

ТЕОРИЯ

Л.Е. ГРИНИН

ФОРМАЦИИ И ЦИВИЛИЗАЦИИ

ГЛАВА 3. ПРОБЛЕМЫ И АСПЕКТЫ СОЦИОЛОГИЧЕСКОГО АНАЛИЗА ИСТОРИЧЕСКИХ ОБЩЕСТВ

§ 4. Распределительные отношения

П. 1. Введение в проблему; п. 2. Отношения собственности в аспекте социологии истории; п. 3. Понятие распределительных отношений; п. 4. Виды и типы распределительных отношений

В этом параграфе речь пойдет об отношениях, с помощью которых осуществляются различные перемещения и преобразования благ, прежде чем они доходят до потребления. Поскольку это один из самых идеологизированных вопросов, потребовались дополнительные пояснения. В результате объем параграфа увеличился, и я был вынужден разделить его на части.

Анализируя данную проблему, невозможно обойти тему собственности. Но этот институт рассмотрен главным образом под определенным углом: как одна из разновидностей более широких отношений. Я назвал их **распределительными**. Однако поскольку читатель еще не готов полностью к введению такого понятия, в первом и втором пунктах настоящего параграфа указанные отношения и соответствующая подсистема будут называться **имущественными**.

II. 1. Введение в проблему

В прошлом веке политэкономия была наиболее развитой из социальных наук, поэтому неудивительно, что делались попытки перенести ее категории и методы на философию и теорию истории.

Политэкономия выделяла четыре фазы оборота и соответственно четыре типа отношений, связанных с созданием и распределением благ: в производстве, в обмене, узком распределении (между агентами и факторами производства и с помощью государства) и потреблении. Таким делением пользовались разные школы. Из всех отношений, связанных с этим оборотом, иногда главными объявлялись обмен, порой – распределение или даже потребление. Но гораздо чаще в качестве стержневых выделяли отношения собственности, представляя их как сущность имущественных отношений любого общества.

Разумеется, для такого предпочтения имелись основания и причины: фактическое господство частной собственности на Западе с нового времени (а кое-где и раньше)³⁸⁰; наличие развитых отношений собственности в античности, история которой была известна тогда гораздо лучше, чем история Востока; прямое влияние римского частного права и другое. В исследуемом нами аспекте также важно отметить недостаточное различие теории исторического процесса и того, что я называю социологией истории. В результате **отдельная линия всемирной истории, связанная с развитием частной собственности, выдавалась за тип развития любого общества**. Неудивительно, что и апологеты, и противники частной собственности преувеличивали ее значение. Первые полагали ее вечной, вытекающей из человеческой природы, находя ее элементы уже в животном мире; вторые – видели в ней главное

---

³⁸⁰ Отражение этого – различные утопии и теории, появившиеся с XVI в. Так, Джеймс Гаррингтон (XVII в.) выдвинул мысль о том, что формы государства, его законы и учреждения зависят от распределения собственности в обществе, «баланса владения землей» (см.: Историография новой и новейшей истории стран Европы и Америки. М., 1977. С. 22).

зло. И до сих пор этому институту уделяется повышенное внимание.

В марксизме преувеличение роли отношений собственности получило исключительное направление³⁸¹. Они определялись как центр экономического базиса, доминирующего над политической и юридической надстройкой. Возникновение частной собственности объявлялось причиной формирования классов и рождения государства; она же характеризовалась как главный способ эксплуатации, а ее уничтожение – как основная возможность построения справедливого общества. Смена форм собственности на средства производства стала критерием периодизации истории. Таким образом вся общественная теория строилась, по выражению Д. Белла, вокруг «оси собственности». Поэтому не ошибусь, если скажу, что с категорией собственности в историческом материализме связана вся его основа и сердцевина. Его противники постоянно критиковали этот экономический детерминизм. Однако и сегодня он еще очень живуч. А теория собственности не только не подвергнута основательной ревизии, но по-прежнему в своем политэкономическом варианте довлеет над умами даже лучших отечественных ученых. И когда ищешь причины многочисленных несоответствий известных концепций и исторических фактов, неизбежно приходишь к выводу, что важнейшая из них – преувеличенная роль таких понятий, как «отношения собственности на средства производства», «формы собственности на средства производства» и т. п.

Поэтому я вынужден уделить повышенное внимание рассмотрению проблем и недостатков применения этих категорий в разных аспектах. Иначе многое в дальнейшем изложении будет непонятно. Но, разумеется, здесь нет системного анали-

---

³⁸¹ Помимо указанных моментов важнейшую роль играла его революционная направленность. Были также и причины, связанные с историческими и гносеологическими корнями марксизма (в первой главе настоящей работы об этом кое-что говорилось). В. П. Илюшечкин в целом ряде своих работ постоянно анализировал эти причины (см., например: Илюшечкин В. П. О происхождении и эволюции понятия «феодализм» // Народы Азии и Африки. 1987. № 6; Он же. О соотношении и взаимосвязи теории общественных формаций и политической экономии // Вопросы философии. 1988. № 4).

за отношений собственности. Моя цель – **обосновать причины введения новых категорий и применения особых подходов при изучении имущественной подсистемы общества в рамках социологии истории, а также показать соотношение этой сферы с другими.** Однако поскольку теория исторического процесса и социология истории ясно не разделены, придется затронуть более широкий комплекс проблем.

Начнем с выяснения, почему имущественная сфера не является всегда (или в основном) доминирующей над другими, как полагает марксизм. Схематически такое преобладание выглядело следующим образом. Класс собственников на средства производства, пользуясь своей мощью в экономике, определяет или жестко контролирует политическую и правовую системы (например, выделяя «исполнительный комитет») и соответственно занимает верхнее место в социальной системе (поскольку главный классовобразующий признак – отношение к средствам производства). Действительно, достаточно близкие к этой модели ситуации имели место (например, Венеция XIII–XVI вв. или Англия после парламентской реформы 1832 г.). Но уже с введением всеобщего избирательного права нередки случаи, когда правительство опирается не на крупных собственников, а формируется левыми партиями, представляющими голоса мелких собственников или вообще несобственников. При этом интересы крупных владельцев могут быть приносимы в жертву народной политике. Тем более это характерно для обществ, где демократия не устоялась, где огромное влияние имеют чиновники и их отдельные группы (чему мы и являемся свидетелями в России). Что же касается централизованных монархий, то даже Ленин отмечал относительную самостоятельность абсолютного самодержавия от высших классов. Тем более это справедливо для стран, где крупные собственники никогда не были в почете.

Теперь можно и ответить на поставленный вопрос. В предыдущих параграфах неоднократно говорилось о том, что идею абсолютного доминирования одной сферы надо отбросить как порочную. Причины введения базиса₁ для всей со-

циологии истории подробно объяснялись³⁸². Но определение имущественной сферы даже как базиса₂ для всей социологии истории было бы неправомерно. Во-первых, как сказано, выделение базиса₂, единого для всей социологии истории, нецелесообразно потому, что в разных случаях на данную роль выдвигаются разные подсистемы. Поэтому такую операцию удобнее делать в более узких рамках, например в рамках одной формации. Во-вторых, если бы вопрос был поставлен жестко, то логичнее было бы таким базисом₂ объявить политическую сферу уже потому, что ее легче вычленишь, чем имущественную. Другая причина состоит в том, что имущественные отношения (тем более отношения собственности) чаще всего предполагают неравенство, которое нередко ощущается как несправедливость. И поскольку они затрагивают интересы всех членов общества, то чтобы оставаться стабильными, этим отношениям требуются охрана от посягательств и опора на власть. Причем роль государства может быть «весомой, грубой, зримой», а может «прятаться» за правом. Разница тут колоссальная, но не будем забывать, что и право в конечном счете – упорядоченная мощь государства. Без такой поддержки или защиты указанные отношения приобретают иной характер: либо подчиняются какой-то силе, либо организуют собственную силовую организацию.

В соотношении имущественной и политической сфер возможно несколько типичных вариантов. Вышеописанная марксистская модель, где частная собственность – сердцевина отношений, вокруг функционирования и охраны которой вертится все, лишь один из них. В соответствующих обществах имущественная подсистема гораздо более автономна, чем в других, и в огромной степени регулируется правом. Однако даже сегодня таких государств меньшинство. Причем подобная система, если правительство не сглаживает полярность

---

³⁸² Причем было сказано, что этот базис очень широк и в каждом обществе может быть представлен лишь отдельными своими компонентами. Иногда такую базисную роль играет и собственность на средства производства, но не как имущественное отношение, а как часть производительных сил в составе производственной организации.

имущественного расслоения, далеко не всегда является стабильной³⁸³.

Другие варианты не отвечают описанной схеме. Очень часты случаи, когда привилегированные группы пользуются своим особым положением, чтобы извлекать экономические выгоды, но в состоянии делать это только через политическую власть. И не отдельно, как собственник, а лишь находясь в системе административной машины, будучи ее колесиком и винтиком. Причем в таких этатистских обществах с частными собственниками не считались, а лишь терпели их. В подобном случае имущественная сфера ясно не выделяется, спаяна с политической и иными. И это не просто затрудняет ее анализ. Нет, это требует совсем иных подходов к нему. Раз присвоение благ происходит прежде всего через государство, все имущественные отношения надо рассматривать под соответствующим углом, поскольку здесь, по удачному выражению П. Бергера, налицо «политическое распределение»³⁸⁴. Нередко можно говорить также о социальном или идеологическом распределении.

Еще один (но не последний) вариант – строй, где преобладают крупные собственники, но нет единого сильного государства. Тогда они сосредоточивают военную, судебную и прочую власть и мощь в своих руках, что и составляет процесс феодализации.

Социальная структура также лишь в особых случаях определяется исключительно владением собственностью. Пожалуй, чаще для этого имелись иные основания: рождение в определенной семье, принадлежность к общине (гражданство) или корпорации (духовенство), определенные занятия, полу-

---

³⁸³ Когда отношения собственности рассматриваются как несправедливые, а государственная машина может временами переходить в руки малоимущих (вернее, их лидеров), неизбежны имущественные перевороты. История Древней Греции дает тому много примеров. В нынешних развитых странах частная собственность, во-первых, поддерживается общим богатством; во-вторых, огромной системой социального перераспределения и ростом роли образования; в-третьих, уже выработанным в обществе убеждением (в том числе и на опыте стран, где прошли революции), что такой порядок выгоднее большинству.

³⁸⁴ Бергер П. Капиталистическая революция (50 тезисов о процветании, равенстве и свободе). М, 1994, С. 24.

чение должности и пр. При этом, конечно, высшие слои чаще обладали большим имуществом, чем низшие. Однако не всегда. Так, торговцы могли быть презируемыми, но более богатыми. Исторический материализм полагал, что смена форм собственности (из-за доминирования этих отношений в социальной системе) неизбежно ведет к стадийным изменениям во всемирной истории. Поскольку мы говорим о социисторических основаниях теории исторического процесса, есть смысл затронуть и этот аспект проблемы. Будет важным показать, что, если отказаться от идеи, что собственность определяет имущественную подсистему, а через нее и всю остальную структуру, окажется легче отойти и от того, чтобы за критерий периодизации брать смену форм собственности.

Я только хотел бы напомнить, что в рамках социологии истории первоочередная задача – найти общее во всех системах, независимо от их прогрессивности, генетической связи с современностью и прочего, и только затем на этой основе классифицировать их на группы. Следовательно, и концептуальная роль такой, например, категории, как «частная собственность», в этом плане не столь важна, как обычно представляют, поскольку в большинстве обществ (до сравнительно недавнего времени) эти отношения были неразвиты и (или) имели малое значение. Не столь фундаментальна она и для одной из задач теории исторического процесса – показать общие (формационные) черты имущественной сферы. В данном случае нам важнее, что формация есть стадия, к которой можно отнести большинство исторических обществ (хотя одни доходят до этого уровня самостоятельно и раньше, а другие несамостоятельно и позже). Иное дело, когда речь идет о причинах перехода отдельных обществ к новому, что открывает и путь к новой формации (ее этапу). Здесь как раз важнее отличия, особенность, уникальность. Следовательно, и роль частной собственности гораздо больше.

Нельзя отрицать, например, связь расцвета культуры в Афинах и развития там частной собственности; рывка Западной Европы в XIII–XVI вв. и наличия там достаточно разви-

тых правовых отношений частной собственности и т. д. Но надо ясно понимать, что **такого рода проходные общества и особые институты являются скорее исключениями, поскольку переход к новому не идет в ряду обычного, типичного, а есть результат прорыва в месте складывания нетипичных, исключительных условий.** И значит, если признавать важную роль отношений частной собственности как движущих сил перехода к качественно более высокому, надо одновременно понимать, что такие отношения до определенного момента не могли быть типичными. В то же время они и не могли в какой-то степени не существовать во многих обществах, ведь новое качество не появляется из ничего. Поэтому неверно утверждать, что частная собственность, скажем, в XIII–XVI вв. была только в Европе, а в остальных странах отсутствовала. Нет, она имела в большинстве государств того времени. Однако была либо неразвита, либо подавлена и искажена иными отношениями, либо получила развитие лишь в отдельных секторах и т. д. И лишь в европейских странах она стала одним из важнейших и перспективнейших имущественных отношений, тем самым обретая иное качество по сравнению с ее состоянием в других обществах. Здесь налицо результат перехода количества в качество.

Наибольшие возражения теория собственности вызвала в обосновании выделения рабовладельческой и феодальной формаций. Однако критика в этом плане подрывала и всю пятичленную теорию. В то же время имелось и имеется немало вариантов сохранения последней путем модернизации или реконструкции обеих концепций. Такие попытки обычно связаны с расширением толкования содержания понятия собственности, например, государственную собственность объявляют предельным случаем частной (Алаев, Семенов и др.) и с развитием понятийного аппарата теории собственности (Семенов, Илюшечкин и др.). Но это лишь усложняет ситуацию, не решая проблем по существу. Укажу на некоторые трудности. Во-первых, в рамках каждой формации существует не одна, а ряд форм собственности, общие черты которых лежат глубже, чем

обычно полагают. Особенно много проблем с рабовладением и феодализмом. Даже сами названия форм собственности этих периодов не только не несут какой-то новой информации об общих свойствах подтипов собственности, но во многом и искажают реалии³⁸⁵. Фактически в большинстве случаев они говорят нам меньше, чем понятия частной, условной, государственной или иных подтипов собственности³⁸⁶. Хотя и в меньшей степени, но сказанное относится также к первобытнообщинной и капиталистической формации³⁸⁷.

Во-вторых, «порядка», соответствующего логике теории способа производства, в смене форм собственности не прослеживается. В древности иногда обнаруживаются «капиталистические» формы, а классическое рабовладение «забредает» в новую историю (Юг США, страны Южной Америки). Вступившие в ранний капитализм страны проводят повторное закрепощение крестьян (некоторые государства Германии). На базе индустриальной экономики вдруг вырастают азиатские («политарные») отношения, как в СССР, или рабство военнопленных (нацистская Германия), или расовый феодализм, как в ЮАР в аграрной преимущественно стране существуют самые передовые капиталистические отношения (Новая Зеландия). И т. д. В-третьих, нет четкой связи между развитием производительных сил и сменой форм собственности: нередко радикальная смена последних не связана с аналогичными изменениями в первых (Китай, например, классический образец чередования государственного и частного землевладения), а

---

³⁸⁵ «...Мы сталкиваемся с определенными терминологическими трудностями, связанными с тем, что для сравнения обществ по критерию собственности разные виды собственности должны выделяться по межформационным признакам, нейтральным по отношению к формациям (сравнение невозможно без общего мерил сравнения). Однако уже имеющиеся не являются формационно нейтральными и несут значительную идеологическую нагрузку» (Израитель В. Я. Проблемы формационного анализа общественного развития. Горький, 1975. С. 101).

³⁸⁶ Причем в юридическом плане рабовладельческая или феодальная формы могут не отличаться от буржуазной (например, в Римской империи или в царской России), а могут не иметь с ней ничего общего.

³⁸⁷ Например, в свете последнего исторического опыта очевидно, что социалистическая (государственная) форма собственности не есть более высокая по сравнению с капиталистической. Куда же ее отнести? Наиболее логично представить как подтип формы собственности индустриальной формации. Но тогда названия «капиталистическая, буржуазная» становятся узкими.

коренной производственный переворот, в свою очередь, не ведет к смене отношений собственности (Англия после промышленной революции). Все это фактически противоречит идее, заложенной в категории «способ производства».

Если все же попытаться построить схему развития типов собственности, то очень приблизительно она могла бы выглядеть так: **коллективные** формы первобытности еще очень слабо выражены именно как собственность. Постепенно они сменяются более **дифференцированными и персонифицированными**: вождеской, государственной (царской), корпоративной (храмовой) общинной, условной (ленной) и кое-где частной. Но отношения собственности только в отдельных обществах достаточно развиты. В целом отличие этих форм от классической частной в том, что все они более или менее **ограничены** социально-политическими рамками социума, и часть населения не может быть субъектами этих отношений. В новое время растет роль **частной** собственности, которая в определенном плане становится **неограниченной** (и в то же время она ограничена в плане прав на человеческую личность). Но в новейший период усиливается процесс ее расплывания, что во многом меняет и ее характер: появляется возможность контролировать и использовать в своих интересах огромную собственность не будучи главным владельцем (акционерные общества, холдинги и пр.). С другой стороны, частную собственность контролирует государство. Такой тип можно назвать **контролируемым**, поскольку растут ограничения, роль управляющих и государства.

Однако и эту условную схему сложно сделать основой для периодизации. О критерии периодизации и о формационных чертах имущественной сферы мы еще будем очень обстоятельно говорить во второй части.

II. 2. Отношения собственности в аспекте социологии истории

Теперь мы можем перейти к социсторическому аспекту применения категории «отношения собственности». Задача:

показать, что в рамках социологии истории объявить их ведущими, определяющими имущественную подсистему, невозможно или непродуктивно. Необходимы иные подходы к анализу этой сферы, которые бы органически включали в себя и теорию отношений собственности как очень важного момента.

Трудности начинаются с определения собственности. Вроде бы ясное на первый взгляд, на деле это понятие рыхлое и нечеткое. Причем его дефиниции недостаточно учитывают то, что в разные эпохи и в разных обществах понятие «отношения собственности» во многом имеет несходный смысл, ибо «в каждую историческую эпоху собственность развивалась различно и при совершенно различных общественных отношениях»³⁸⁸. В результате в системе отношений собственности на первый план выходят разные моменты. Ведь иногда главное – именно обладание благом или его потребление. Но иной раз суть заключается «не столько во владении вещью, сколько в праве запретить третьим лицам пользоваться ею, если они не уплачивают собственнику определенные суммы»³⁸⁹. Ключевыми могут оказаться: безопасность или престиж, привилегии или обязанности собственника; степень его свободы и контроля за ним; налоги; права тех, кого собственник привлекает к эксплуатации объекта (арендатор, наемник), связь собственности с монополией или привилегией и т. п.

В анализе этих отношений можно отметить: расширительное и суженное толкование собственности; акцент на юридическом и фактическом ее аспектах.

В западной науке более традиционно расширительное толкование собственности, к которой относят порой даже дотации, субсидии, социальные пособия, а то и вовсе знания, образование и т. п. Такой подход растворяет специфику собственности в других имущественных отношениях³⁹⁰.

---

³⁸⁸ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т. 4. С. 168.

³⁸⁹ Жамс Э. История экономической мысли XX в. М., 1959. С. 93.

³⁹⁰ Расширительное понятие собственности имеет почтенную традицию. Так, например, французские дворяне до революции полагали своей собственностью не только землю, но и все привилегии. Людовик XVI при открытии Генеральных штатов в

В марксизме закрепилось узкое толкование: главными в производственных отношениях полагали именно **собственность на средства производства**, а остальная собственность признавалась как бы производной от нее (вопреки факту, что наиболее скорое обогащение всегда совершалось именно в обращении: спекуляциях, откупах, ростовщичестве, торговле и т. д.). Такое сужение чрезвычайно обедняет теорию и делает ее во многих случаях малопродуктивной.

Почему же неверно делать упор в анализе отношений собственности только на средства производства? Такая модель удобна, когда в обществе преобладает частная форма собственности на средства производства, и если главная социальная коллизия проходит между собственниками и несобственниками. Однако так бывало лишь в сравнительно редких случаях. Там, где господствовала государственная собственность, имущественные отношения регулировались прежде всего административными способами: запретами, указами, налогами и т. п. В обществах с более дифференцированной собственностью существовали разные варианты. Например, в торгово-купеческих государствах нерв имущественных отношений проходит именно в сфере обращения, возможности контролировать рынки ценного сырья или сбыта³⁹¹. Главными эксплуататорами порой выступали собственники средств обращения (денег, товаров): откупщики, монополисты, ростовщики, скупщики, спекулянты, финансовые группы, банки. Причем через займы государству либо через получение особых льгот, прав, информации и прочего они могут грабить все общество сразу.

1789 г. говорил: «Его величество понимает под названием собственности десятину, чинш, ренту, обязательные феодальные и по отношению к помещику и вообще все права и прерогативы, полезные и почетные, связанные с землями и поместьями, принадлежащими частным лицам» (Кропоткин П. А. Великая французская революция 1789–1793 гг. М., 1979. С. 157).

³⁹¹ И военно-политическая деятельность финикийских городов, Ганзы, Генуи, Венеции и многих других была направлена прежде всего на охрану и увеличение этих выгод, чтобы сохранять возможность перераспределять в свою пользу средства многих стран.

Достаточно часто главными оказываются не отношения между собственниками и несобственниками, а между различными группами собственников. Примеров, когда производитель-собственник подвергается эксплуатации и дискриминации со стороны более сильных владельцев денежных или товарных средств, сколько угодно³⁹². Таковы были, например, отношения в Афинах накануне реформ Солона, где процветало ростовщичество, а крестьяне лишались земли и свободы за долги. А разве не грабились ремесленники и земледельцы скупщиками, предпринимателями-кредиторами? Не господствовал ли финансовый капитал в некоторых странах, например во Франции эпохи Луи-Филиппа? Не так ли в прошлом и начале этого века в США железные дороги душили фермеров, а крупные монополии разоряли мелкие фирмы, как прежде фабрики обрекали на нищету самостоятельных хозяев? При этом важно отметить, что более сильные группы используют не только, а порой не столько право собственности, но и возможность злоупотреблять им, монополизм, близость к власти, обман, коррупцию и прочее и прочее. Не наблюдаем ли мы похожее сегодня в России?

Итак, не только собственность на средства производства, но и собственность в сфере обращения может выступать в ряде случаев как главное и решающее отношение.

Кроме того, исторически отношения частной собственности возникают первоначально, как правило, именно в средствах обращения (шкурах, пушнине, скоте, престижных вещах и пр.). И известно много раннеклассовых государств, в которых существовали активная торговля, деньги и пр., но не было частной собственности на землю (такова была, например, Русь в X – первой половине XI в.). Да и само понятие «средства производства» меняется от эпохи к эпохе, а границы между ними и средствами обращения (потребления) условны и во

---

³⁹² «Эксплуатация в таком случае происходит не в процессе производства, который всегда одновременно является и процессом первичного распределения этого продукта, а после завершения этого процесса в ходе его перераспределения» (Семенов Ю. И. Всемирная история как единый процесс развития человечества во времени и пространстве // *Философия и общество*. 1997. № 1. С. 163).

многим зависят от научной задачи. При полунатуральном хозяйстве, скажем, деньги – средства обращения. Но в развитом товарном, вероятно, могут в определенных случаях быть и средствами производства. Ведь продукция (и капитал) должны постоянно менять форму с вещественной на денежную, согласно знаменитой формуле Маркса Д-Т-Д. Тем более сложно провести такую границу в современном хозяйстве, где потоки благ, денег, ценных бумаг и других символов переплетаются и перекрещиваются, где часть производства есть процесс «производства» денег и финансовых средств.

Ситуация для анализа усложняется в связи с тем, что налицо масса случаев, когда формально собственник один, а распоряжаются объектом другие, причем эта цепочка иногда довольно длинна, а отношения регулируются не правом, а другими (силовыми, незаконными и полузаконными, ранговыми и т. п.) вещами. Россиянам достаточно вспомнить, как это происходило в СССР и происходит в России, чтобы в образах представить ситуации.

Сказанное подводит нас к еще одной трудности при анализе отношений собственности в социологии истории: соотношению их юридической формы и фактического содержания. Наиболее удачно, конечно, когда они достаточно близки, хотя совершенно очевидно, что **правовая форма и реальное владение в масштабах общества никогда полностью не совпадают**. Однако в каких-то случаях это – погрешность, которую можно не принимать во внимание, а в других – это означает, что нужны прежде всего иные понятия для анализа, чем «собственность». Причем в социологии истории лишь в меньшинстве случаев можно говорить о совпадении юридической и фактической сторон. Ведь наиболее развитые законы и институты имеются как раз в обществах с развитой частной собственностью, каковая вообще появляется относительно поздно. До нового времени (и даже много позже) таких было немного (это торгово-купеческие и античные государства). В остальных обществах отношения собственности слишком осложнены и запутаны личными, сословно-ранговыми, прямым наси-

лием, всевозможными запретами и обычаями, чтобы юридический или политэкономический анализ оказался продуктивным. Имущественная сфера здесь слабо дифференцирована от других, а понятие собственности сильно отлично от классического.

Таким образом, с одной стороны, буквальное следование праву дезориентирует нас: ибо очень часто закон лишь много позже санкционирует фактическое положение, уже давно признанное общественным мнением. Но с другой – игнорировать юридическую форму немислимо, поскольку отношения собственности нуждаются в порядке, стабильности, устойчивости, другими словами, в регулировании, невозможном без хоть какого-то (пусть даже обычного) права. Опять-таки без опоры на законодательство мы лишаемся ориентира в том, как разграничить отношения собственности и другие имущественные. Мне думается, что первый ориентир для такого различия – полагать, что собственность **есть право, санкционированное государством, или иной властью, имеющей достаточный авторитет, или хотя бы устойчивой традицией (давностью), т. е. это легитимное право.** Отсюда запрещенная, незаконная деятельность в области имущественных отношений является пограничной к санкционированной. Для каких-то задач их можно объединить, но чаще она не может быть отнесена к отношениям собственности. Следовательно, в обществах, где такая деятельность составляет значительную, тем более основную, часть и где свое право надо отстаивать не законным порядком, а силой, мы, пытаясь все видеть через призму собственности, часто искажаем факты либо игнорируем наиболее важную сторону. Если же вспомнить, что существует и масса ситуаций экспроприаций, конфискации, секуляризаций и им подобных действий государств, властей и групп, которые в основном выпадают из легитимной практики, как и любой грабеж, обман, смена «правил игры» к своей выгоде, то число указанных трудностей возрастет многократно. Следовательно, не учитывать юридическую сторону и оставаться на позициях теории собственности – значит загнать себя в тупик. Если же

придерживаться правовой формы – невозможно особо выделять собственность только на **средства производства**.

И попытки видеть лишь юридическую сторону, и желание любые отношения представить как фактическую собственность ведут к модернизации истории³⁹³. Баланс между юридической и фактической стороной очень трудно установить в неразвитых обществах еще и потому, что, во-первых, это часто не двух-, а многосторонние отношения, причем объем прав каждого участника порой не разграничен и зависит от совсем иных, чем закон, вещей. Во-вторых, права всех или многих собственников бывали сильно ограничены. Так, в условиях феодализма земля может принадлежать одновременно государству, целой лестнице землевладельцев и, наконец, крестьянину, причем по-настоящему распоряжаться ей из них не может никто (государство не в силах отобрать ее, землевладелец – продать, крестьянин – отказаться от обработки и т. п.). При этом роль отношений собственности прямо связана с длительностью и устойчивостью такого комплекса и с дефицитом ресурсов. Если, например, свободной земли нет, принуждения требуется меньше, если ее много – больше.

В юриспруденции собственность толкуется как право пользования, распоряжения и владения объектом. Исходя из этого, некоторые ученые (Семенов, Израитель и др.) предлагали рассматривать ситуации, когда имеется лишь право пользования или пользования и владения как неполную собственность. В некоторых случаях это может быть полезным приемом, но в других – не годится. Ведь чем менее полной устойчивой явля-

---

³⁹³ Так, частная собственность в античности давала основания говорить об античном «капитализме». Однако сходство между ним и промышленным капитализмом примерно такое же, как между государствами древнего Востока и советским социализмом, но достаточно ли корректно толковать о египетском или шумерском, тем более античном «социализме», как это делают некоторые ученые?

Такая модернизация отмечалась отечественными исследователями. Например, Израитель писал, что тенденция считать всю докапиталистическую эксплуатацию основанной на собственности фактически связана с подтягиванием этой эксплуатации к буржуазной. При этом феодал выглядит как сдающий крестьянину в аренду дом и участок на собственной земле; вождь племени, эксплуатирующий своих соплеменников, выглядит получающим прибыль от общинной земли как от своей собственной и т. п. (см. Израитель В. Я Указ. соч. С. 98).

ется такая собственность, тем слабее ее роль и соответственно сильнее значение иных, чем «чистая» собственность, вещей: силы, умения пользоваться ситуацией и случаем, борьбы интересов и пр. Между тем такие отношения по факту очень часто неустойчивы, преходящи, подвижны, подвержены колебаниям и изменениям.

Итак, трудностей (число которых легко умножить) в применении теории собственности более чем достаточно. И перед нами встает дилемма. Можно ли, несмотря на указанные сложности, расширить это понятие до разумных пределов, чтобы представить его как относительно главное в имущественной сфере в рамках социологии истории? Или же в любом случае категория «отношения собственности» окажется недостаточной, чтобы дать ключ к пониманию комплекса имущественных отношений любого общества любого периода? Конечно, первый путь не заказан. Но он только сначала кажется более простым. На деле он обременен столь большими ограничениями и неточностями, что будет малоэффективен. И я твердо убежден, что второе утверждение более верное.

Можно сформулировать несколько тезисов в его защиту (которые дальше мы аргументируем). Использование понятия собственности в вышеуказанном плане ведет, во-первых, к экстраполяции более современных отношений на менее современные и к модернизации истории. Во-вторых, недоучитываются слишком большие различия между развитой частной и другими видами собственности (прежде всего государственной). В-третьих, во многих обществах главные способы распределения связаны не с отношениями собственности. В-четвертых, отношения собственности имеют много общего с иными имущественными, следовательно, на теоретическом уровне все они равноправны и представляют разновидности отношений, которые можно охватить более абстрактной категорией.

Экстраполяция более поздних отношений на архаичные имеет многообразные проявления. Между тем развитые формы собственности очень отличаются от тех, что видятся нам

как неразвитые (тем более от квазисобственности). И важно отметить, что многие из последних оказались тупиковыми. Иными словами, они не представляют просто более раннюю стадию частной собственности, способную вырасти в нее со временем. Нет, если позволено, это не соотношение ребенка и взрослого человека, а соотношение обезьяны и человека. Поэтому и роль отношений собственности в них совсем иная, чем в обществах с развитой частной собственностью. И неудивительно, что в период колониализма (да и сейчас еще) во многих случаях современную частную собственность приходилось просто «пересаживать» в туземную почву, поскольку прежние формы с ней не «скрещивались».

Глядя ретроспективно, можно увидеть коллективную и личную формы собственности и на самом раннем этапе развития человечества так же, как при желании их можно «обнаружить» и в животном мире. Но что такое «собственность» рода или племени? Она, по сути, нужна, главным образом, для охраны от внешних посягательств со стороны других коллективов, т. е. это своего рода государственная или административная «граница». И она не объяснит ни обычаев распределения, ни причин неравенства, выделения знати, как государственная граница немного скажет об экономическом строе страны. Такая «собственность» еще во многом напоминает «собственность» семьи животных, охраняющих свою территорию от других особей.

Сам процесс разложения первобытности и образования раннеклассовых государств в гораздо более редких случаях осуществлялся как результат выделения слоя (класса) частных собственников. Напротив, чаще социально-ранговые и личные различия, принадлежность к тем или иным группам, коллективам, близость к «сильным людям» или удачливому руководителю и т. д. могли закрепляться и получением определенной доли собственности, причем, как отмечал Гизо, «земля получала тот или иной статус, смотря по тому, в какой степени был

силен землевладелец»³⁹⁴. По сути, виды собственности отражали ранговый характер социальной или военно-социальной (обычно резко усложненной завоеванием) структуры. Впрочем, мы видели, как в процессе приватизации в России и объеме, и статус собственности очень сильно зависели от прежнего или приобретенного социального (должностного) положения или близости к «сильным» людям. То же следует отметить относительно возможностей защитить приобретенное.

В сословно-ранговых и военных обществах отношения собственности (особенно как раз на средства производства) еще не получают должного развития либо строго контролируются и подавляются. Нередко частные собственники не только не могли влиять на власть, но и были запуганы, обираемы, а то и презираемы³⁹⁵.

Можно, кстати, вспомнить, что ряд наших историков уже давно защищает идею разного значения института собственности в обществах, где господствуют вещные и личностные отношения. Вещные – отношения с большой ролью института собственности и характерны для обществ с товарно-денежными отношениями, особенно для капитализма. Здесь связь людей по поводу имущественных благ более основана на юридическом равенстве, и потому их права в принципе безразличны к конкретной личности. Стержень личностных отношений (типа клиентских, серважных, вассальных и пр.) – именно личные зависимости и повинности, причем имущественные права сильно обусловлены общественным статусом человека и рассматриваются через призму его социальной роли и личных обязательств (преданности, зависимости и т. п.). Это более характерно для обществ с натуральным или полунатуральным хозяйством³⁹⁶.

---

³⁹⁴ Цит. по: Плеханов Г. В. Избранные философские произведения. М., 1956. Т. 1. С. 529.

³⁹⁵ Если, например, законы Ману декларируют, что все, что существует в мире, – это собственность брахмана, который имеет право на все это вследствие превосходства рождения, то совершенно очевидно, что отношения собственности в подобном обществе будут искажаться.

³⁹⁶ «Неотъемлемая черта феодализма... – господство межличных, прямых социальных связей и их преобладание в раннефеодальном обществе над отношениями

В описанных моделях очень различен и тип потребления. Потребление как цель деятельности может порой оказывать колоссальное влияние на весь производственно-распределительный процесс. При натуральном хозяйстве оно ограничено как в размерах, так и в формах. При расширении рынка – потребности растут в геометрической прогрессии. Адам Смит замечает по этому поводу: «В стране, где отсутствует внешняя торговля, крупный землевладелец, т. к. он не может обменять большую часть продукта своих земель, которая остается после покрытия расходов на содержание обрабатывающих землю людей, употребляет целиком на деревенское гостеприимство себя в поместье. Если этого избытка хватает на содержание ста или тысячи человек, он может его использовать не иначе, как на содержание ста или тысячи человек». Но как только крупные землевладельцы «находят способ потреблять всю стоимость своих доходов, они утрачивают всякую готовность делиться ими с кем-либо другим. За пару бриллиантовых пряжек или за что-нибудь столь же суетное и бесполезное они платили такую цену, которая соответствовала стоимости содержания тысячи человек в течение года, а вместе с тем отказывались от того влияния и власти, которое это могло давать им»³⁹⁷.

Таким образом, можно сделать следующие выводы: **чем менее развиты меновые (товарно-денежные) отношения, тем сложнее применять понятие собственности и тем важнее иные отношения: родственные, сословно-кастовые, военно-политические и пр.**

Можно также отметить, что **чем более трудной являются защита или подтверждение имущественных прав, чем чаще это приходится делать своими силами, а не с помощью закона, общества или государства и через посредников**

чисто вещного типа. Эта черта не есть специфический признак феодализма, ибо она характеризует любую формацию, в которой товарное производство не становится регулятором общественной жизни. Но без непосредственных личностных отношений между людьми нет феодализма. Недостаточный учет этого признака социальных систем в докапиталистических формациях – серьезное препятствие для достаточно глубокого их понимания» (Гуревич А. Я. Проблемы генезиса феодализма в Западной Европе. М., 1970. С. 221).

³⁹⁷ Смит А. Исследование о природе и причинах богатства народов. Л., 1935. Т. 1. С. 348, 351.

(юристов), чем менее обеспечена безопасность собственности (и собственника), тем слабее развиты отношения собственности и труднее применять эту категорию для анализа имущественной сферы. Хорошим показателем развитости является также иерархия ценностей в общественном мнении (сознании), которое может ставить на первое место по важности сословное положение, либо должность, деньги, либо что-то иное³⁹⁸.

Рассмотрим теперь соотношение государственной и частной форм собственности. Известно множество примеров, когда государство сосредоточивает в своих руках главные объекты производства и наиболее выгодные монополии (соляную и пр.). Эти общества и относят к азиатскому (государственному) способу производства. Причем в доиндустриальную эпоху они преобладали³⁹⁹.

Бесспорно, что обе формы могут сосуществовать и переходить друг в друга. Причем, когда господствует частная собственность, государственная вбирает в себя многие ее черты. А когда наоборот, то частная приобретает качества государственной, в том числе умение использовать силу, привилегии и злоупотреблять властью. Но в любом случае между ними очень большие различия.

Первое из них состоит в том, что от лица государства-собственника выступает распорядитель, который обычно не отвечает личным имуществом за свои действия⁴⁰⁰. Значение таких распорядителей связано с характером общества. Но весьма нередкий случай, когда слишком много зависит от их

---

³⁹⁸ В этом плане характерно высказывание князя Владимира Святого (Крестителя): «Серебром и золотом не найду я храброй дружины, а с удалою дружиной найду серебро и золото».

³⁹⁹ Попытки объяснить возникновение государства, классов и эксплуатации развитием в первую очередь частной собственности очень ограничили и запутали исследователей. В результате стали «находить» частную собственность там, где ее не было. В противном случае пришлось бы признать, что подобные государства со слабым развитием частной собственности были неэксплуататорскими. Именно в теории собственности завязка проблем азиатского способа производства, теорий доклассового государства и им подобных.

⁴⁰⁰ Любопытно, что при распылении собственности в виде акций в крупных корпорациях, как отмечают уже с Бёрнхейма, происходит оттеснение собственников наемными руководителями фирм.

личных качеств и мотивов. Второе заключается в том, что цели властей сильно разнятся от целей обычных собственников, поскольку очень часто связаны не с получением прибыли, а с укреплением режима, порядка и пр. Третье – в том, что во множестве государств (и до сих пор) не обладание собственностью открывает путь к власти, а наоборот – обладание властью дает путь к обогащению⁴⁰¹. Наконец, следует отметить, что, поскольку у государства в отличие от обычного человека есть в руках закон, сила и мощная организация, роль собственности часто просто отходит на задний план как маловажная. И поэтому в понятии «власть-собственность», нередко употребляемом в нашей науке, главное – именно власть.

Существенные особенности имеют также коллективная, корпоративная и другие виды собственности, но мы на них останавливаться не будем. Заметим только, что **чем более неопределен собственник, отношения и объекты собственности, чем больше посредников между полюсами отношений, чем больше коллектив собственников и менее обозначены доли каждого, тем меньшую роль играют отношения собственности во всем комплексе имущественных.** И чтобы господствующая государственная собственность перешла в частную, нужны или децентрализация, или перестройка многих общественных и имущественных отношений. Отметим также, что в большом бюрократическом государстве с государственной собственностью ее роль тем меньше, чем больше чиновников, возможностей для произвола, сильнее налоги и прочие повинности.

Весьма условно можно сказать, что **собственность вообще (независимо от формы) – это возможность распределять блага в свою или третьих лиц пользу с помощью утверждения права распоряжения какими-либо объектами и**

---

⁴⁰¹ Национальная местная буржуазия, «пришедшая в государственные учреждения на волне освободительных движений», «поняла также, что политическая власть предоставляет определенные возможности приобрести власть экономическую. И эти возможности, «заложенные» в ее политической власти, были лучшим, а возможно, и единственным средством создания экономической основы бюрократической национальной буржуазии...» (Аке К. Политическая экономия Африки. М., 1985. С. 175).

запрещения таких действий другим. Однако такое право должно быть не только определенным образом оформлено (законами, повелениями, обычаями), но и опираться не на одну голую силу, а и на иные моменты (легитимности, священности, привычки, общей пользы и пр.). Ибо для господства отношений собственности при прочих равных условиях необходимы **определенная стабильность и уважение сильного (власти) к правам других собственников.** Чем больше, стало быть, государство соблюдает свои обязательства перед подданными и чем меньше склонно к пертурбациям, тем больше может быть роль госсобственности. Но она в любом случае очень отлична от роли частной собственности.

Отсюда логичен вывод, что полученное путем грабежа, конфискации, завоеваний и тому подобных вещей (особенно при крупных имущественных переворотах) длительное время лишь формально является собственностью, лишь номинально кажется частью в тандеме «сила-собственность». На самом же деле главное здесь именно сила, укрепляющая новый порядок. Безусловно, завоеватель может быть уверен в своем праве владеть захваченным и объявлять своей собственностью завоеванное (подобно тому, как Вильгельм Нормандский объявил в побежденной Англии леса своими и запретил там охотиться)⁴⁰², но прежде чем такая собственность станет поддерживаться не силой преимущественно, а правом, проходит длительное время. И только тогда, если больше не было резких перемен, отношения собственности могут стать ведущими.

Между тем в истории до самого последнего времени право сильного господствовало где постоянно, а где периодически, результатом чего бывали имущественные перевороты, экспроприации тех или иных имущих слоев или корпораций, грабеж населения (в том числе и путем порчи денег, инфляции) и т. п. Так что происхождение собственности очень часто соответст-

---

⁴⁰² Автор книги о Мавритании говорит по аналогичному поводу: «То обстоятельство, что страна была завоевана, дает ее сегодняшним жителям, по их собственному убеждению, больше прав на эти земли, чем если бы они жили на них тысячелетиями» (Ковальска-Левицка А. Мавритания М., 1981. С. 73).

вует знаменитому афоризму Прудона, что она есть кража (или грабеж, разбой, обман и т. п.).

Таким образом, чем большую роль в регулировании имущественных отношений играют сила и принуждение, чем меньше самостоятельности и добровольности у участников этих отношений, чем заметнее неимущественные (сословные, властные и пр.) различия между их сторонами, тем меньшее значение имеют отношения собственности. Теперь нам яснее, когда роль этих отношений становится важнейшей: **когда есть разные виды собственности, но преобладает частная, господствуют рыночные отношения, общество правовое, но собственники имеют определенные политические привилегии.** Во многих других случаях на первый план выходят иные отношения. Об этих ситуациях мы и поговорим.

Собственность лишь один из способов получать ту или иную долю благ. Для людей же в конечном счете наибольшее значение имеет не сам факт владения объектами, а возможность иметь и потреблять определенный объем благ. Способы их присвоения весьма разнообразны (о чем далее мы будем говорить подробнее). По связи же с отношениями собственности их можно разделить на три группы: несвязанные или малосвязанные с ними; элемент собственности обязателен, но не решающ; роль собственности преобладает⁴⁰³. Кратко рассмотрим первые две группы.

Думается, что в нашей общественной теории роль насилия занижена. Между тем нельзя забывать, что в «действительной истории крупнейшую роль играют завоевание, порабощение, разбой – одним словом, насилие»⁴⁰⁴. Целые империи расцветали за счет военной добычи. Существовало немало обществ, главная цель членов которых была направлена на грабеж соседей. Я уже не говорю о пиратстве, контрибуциях, обычном

---

⁴⁰³ Причем, если «определить буржуазную собственность – это значит не что иное, как дать описание всех общественных отношений буржуазного производства» (Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т. 4. С. 168), то, чтобы определить собственность добуржуазных обществ, надо дать описание многих сословных, военных, политических и идеологических отношений.

⁴⁰⁴ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т. 23. С. 726.

разбое. Еще более распространены были даннические отношения, которые могли существовать столетиями.

В вышеописанных случаях связь с отношениями собственности обычно отсутствует или слаба. Она становилась заметнее при завоеваниях и упорядоченной эксплуатации захваченного. Но мы уже говорили, что собственность в такой ситуации лишь форма, лишь повод облечь голую силу в закон. Когда побежденных сгоняют с земли или запрещают им охотиться, когда ограбленных за сбор колосков расстреливают или гноят в лагерях, разговоры о праве собственности лишь затемняют суть. Во многом аналогично обстоит дело с такими явлениями, как конфискации, экспроприации, проскрипции, секуляризации, национализации и т. п. Чем менее цивилизовано общество, тем меньше там связь с собственностью, а больше с силой.

Такие виды имущественных отношений, как принудительные работы (иногда эта барщина была ведущей формой, как в государстве Инков), церковная десятина и налоги, также могли не иметь связи с собственностью (например, подушная подать) или быть с ней крепко связанными. Но в любом случае **институт налогов – это право государства, вытекающее из его верховной власти, а не из госсобственности.** И хотя ретроспективно налоги могут казаться в ряде обществ именно следствием монополии государства на землю, это обманчивое впечатление. Когда вслед за Марксом многие отечественные ученые говорят о «ренте-налоге», думаю, что «рента» – просто дань политэкономии. Главное все-таки – налог. Ведь налоги прекрасно собираются и с собственников. Причем и там, где преобладала частная собственность, налоги и государственные повинности с крестьян могли быть существенно больше того, что те платили сеньорам. Такова была ситуация, по мнению ряда исследователей, во Франции перед революцией 1789 г.

На протяжении всей истории цивилизаций в большинстве обществ главным оставалось перераспределение через налоги. Однако в XIX в. в ряде европейских стран и США они перестали быть ведущей формой имущественных отношений, уступив свое место частной собственности. (Видимо, это и было одной из причин преуменьшения их роли в экономической и

социальной науке.) Но с 30–40-х годов XX в. ситуация меняется. В современных государствах через бюджет перекачивается иногда 30–40, а иногда 50 и даже более процентов всего национального дохода страны, причем львиную часть расходов составляют социальные платежи. Очевидно, что такого рода возможности государства вытекают не из государственной и тем более не из частной собственности, а из иных имущественных и социально-политических явлений⁴⁰⁵.

Ситуаций, когда имущественные отношения представлены в комплексе, очень много. Но в одних собственность – решающий элемент, а в других – обязательный, но менее важный. Последние и рассмотрим. Если монопольное право дает такой доход, что и часть его не получить при конкуренции; или если торговое общество живет за счет особого географического положения или силой препятствует торговле с выгодным партнером, – это именно такие случаи. К ним также можно отнести обогащение за счет слияния с властью, получения особой информации (например, для игры на бирже), льгот, неэквивалентный обмен, использование беспомощного состояния людей (голод, бедствия, война), запретов (типа максимума зарплаты), принуждение к труду на кого-либо и т. п. В этих случаях связь с собственностью обычно обязательна, но достаточно часто не является главной. Сказать, что они определяются собственностью, так же правомерно, как заявить, что и в семейных отношениях главная сторона – имущественная, поскольку без имущественных отношений обычно семьи не бывает и есть семьи, в которых эти моменты ведущие.

Для разграничения собственности и иных имущественных отношений в обществах современного типа с развитым правом требуются дополнительные пояснения. Как мы уже выяснили, собственность здесь – это **устоявшиеся, санкционированные властью и общественным мнением отношения, вытекаю-**

---

⁴⁰⁵ Неудивительно, что среди экономистов и социологов распространены мнения, что теориями чистого обмена и собственности уже не обойтись, а их надо дополнить влиянием феномена власти, силой различных групп и социальной направленностью тех или иных институтов. Особое развитие эти взгляды получили во Франции. Одна из наиболее известных работ на эту тему принадлежала Ф. Перру и так и называлась «Власть и экономика».

шие в основном не из права сильного, а из права юридического, т. е. включают в себя большую или меньшую добровольность сторон и их равенство перед законом, достаточную свободу деятельности.

Кроме того, важно, что объект отношений собственности должен более или менее легко отчуждаться от собственника. Ведь хотя в принципе объектом собственности может быть все, часть объектов всегда из этих отношений исключена. Существует также много прав, имущественных или с ними связанных, которые принадлежат только конкретному лицу и не могут быть отчуждены. Используя выражение одного историка, можно сказать, что они находятся «на границе собственности»⁴⁰⁶.

Исходя из изложенного, из отношений собственности надо в этом случае исключить (помимо того, что уже говорилось о незаконной деятельности, прямом насилии, налогах и пр.) всевозможные привилегии и выгоды, полученные не экономическим, а политическим путем (исключительные права, освобождение от налогов, особые субсидии и пр.), преимущества и права, вытекающие из факта, что человек является гражданином определенного государства (членом неэкономического коллектива), которые нельзя отчуждать. Это социальные пособия, пенсии, некоторые страховки, права на образование, лечение и пр. Наконец, и труд не есть собственность. Поскольку его отчуждение имеет большую специфику, а сам он не существует отдельно от труженика. Правильнее полагать, что труд, работа по найму – это вид личной услуги (правда, в последние эпохи особенно распространенной). Важно отметить, что в современных условиях в ряде стран, например в США, доля труда в распределении доходов составляет 3/4, а доля владельцев собственности – только 1/4.

Однако совершенно ясно, что различные имущественные (и даже часть неимущественных) отношения и сейчас, и в прежние эпохи более или менее легко, но могут переходить в

---

⁴⁰⁶ Манту П. Промышленная революция XVIII столетия в Англии. М., 1937. С. 118.

отношения собственности и наоборот. (Так, «грязные» деньги становятся признанной собственностью, та, в свою очередь, – источником налога, а последний превращается в социальное пособие и т. д.). Причем эти метаморфозы исключительно разнообразны, многочисленны и играют важную роль. **Подобные совместимость и взаимообусловленность подтверждают, что отношения собственности не будут явлением более высокого таксономического уровня по сравнению с другими имущественными отношениями. Нет. Они однопорядковы. Мало того, у них есть общие родовые черты (об этом дальше). Следовательно, их можно обобщить более широким понятием.**

Конечно, отношения собственности для социологии истории – одни из самых важных, в ряде случаев важнейшие, ибо «характер распределения дохода сильно зависит от первоначального распределения собственности, от приобретенных или унаследованных прав»⁴⁰⁷. Но важное не означает, что эта категория способна «покрыть» все остальные имущественные отношения.

Когда мы выделяли базис₁, перед нами стояла задача создать модель, помогающую в ряде случаев анализировать структуру общества в аспекте ведущих проблем социологии истории. Мы делили общество на две части, и никаких иных промежуточных уровней между всей системой и этими частями не было. Иное дело – с отношениями собственности. Между ними и обществом по крайней мере один (а скорее больше) пропущенный уровень: особая подсистема (имущественная), правильно очертить которую и мешает акцент на базисности собственности.

Теперь, думаю, достаточно ясно, что хотя и можно пытаться представлять собственность как имущественное отношение₁ в рамках социологии истории, но это непродуктивно и ведет к искажению фактов, модернизации истории, отказу от поиска родовых черт всех имущественных отношений, затем-

---

⁴⁰⁷ Самуэльсон П. Экономика. М., 1964. С. 57.

нению момента неразрывности во многих случаях имущественных и иных общественных отношений.

II. 3. Понятие распределительных отношений

Итак, несомненно, что во всех отношениях, связанных с круговоротом благ, имеется нечто общее. Эти родовые свойства мы будем анализировать чуть позже. Пока же попробуем определиться с обозначением категории, которой их можно обобщить. Разумеется, не в названиях суть. Главное – отказаться от взгляда, что в данной системе всегда доминирует собственность. Тем не менее весьма желательно, чтобы термин наиболее точно описывал ситуацию. В этом плане рассмотрение плюсов и минусов альтернативных понятий позволяет прояснить некоторые довольно важные моменты проблемы.

Если исходить из того, что главное звено процесса движения благ в каждом конкретном случае может находиться не только в производстве, но и в обмене, распределении или потреблении, то правомерно было бы вернуться к категории «производственные отношения». Но, конечно, это не самое удачное решение. Не говоря уже о том, что с данным понятием связаны вполне определенные ассоциации, оно слабо подходит к целому пласту распределительных явлений: насильственных (в том числе по отношению к соседям, колониям), незаконных и пр.

Логично также было бы остановиться на нейтральной категории «экономические отношения», что очень часто и делают исследователи, правда, не имея в руках достаточно ясной теории. Если бы речь шла только об индустриальных обществах, то указанное понятие пусть не совсем, но в основном отвечало бы задаче. Но даже с учетом того, что это слово может иметь более или менее широкое значение, в любом случае для социологии истории такой «экономизм» искажает картину. Ведь для многих обществ и эпох характер распределения благ можно определить как до- или **внеэкономический**. Опять же по смыслу эти отношения должны быть связаны с экономикой, а

во многих государствах доиндустриальной эпохи производство и потребление социально разорваны, т. е. резко различны и доминирует последнее (например, в содержании двора, армии, церкви и пр.). Я уже не говорю об обществах, главная часть «экономики» которых заключалась в грабеже и сборе дани.

Также следует обязательно отметить, что в любом обществе, помимо благ произведенных (или обмененных), в «котел» распределения попадают и блага иного происхождения. В традиционные эпохи особо следует отметить военные трофеи, невольников, дань; в новое время – поступления от колоний, работоторговли, пиратства, контрибуции и пр. Во многих странах продавались государственные (офицерские), церковные и прочие должности, гербы, титулы, родословные, ранги и т. п. У ряда диких народов даже личные духи, божки, талисманы были предметом обмена. А вспомним, каких объемов достигала в средние века в Европе торговля различными церковными реликвиями и индульгенциями. Распространены были случаи самопродажи и продажи детей в рабство. Примеров подобного рода множество. Таким образом, система движения благ **много шире обычного представления об экономических отношениях**. Сказанное относится и к термину «имущественные отношения», мало подходящему, скажем, к социумам, главное «имущество» в которых – еда. Он также имеет и тот недостаток, что предполагает более стабильную и правовую обстановку, чем она могла быть. Кроме того, фактически в таких отношениях очень большую роль могут играть сословные или групповые привилегии, запреты и ограничения, не всегда ощущаемые именно как имущественные.

Для решения поставленной задачи я ввожу, как наиболее удачный, термин **«распределительные отношения»**. Их нельзя путать с понятием **распределения** в узком (политэкономическом) смысле. **Такое распределение лишь часть распределительных отношений**. Последние также намного шире того, что обычно понимается под экономическими или имущественными отношениями (тем более шире, чем эксплуатация, поскольку в обществе масса случаев добровольно-

сти или полудобровольности). Теоретически все механизмы или случаи (одного таксономического уровня) здесь должны рассматриваться как равноправные: будь то собственность или грабеж побежденных; свободный найм с юридическими гарантиями или принудительный труд военнопленных; первобытный обмен дарами или развитая торговля, национализация или проскрипции; налоги или хлебные раздачи и т. д.⁴⁰⁸

Есть и иные, даже более основательные причины введения понятия «**распределительные отношения**». Можно сказать, что почти в любом акте, звене, механизме, связанных с «циркуляцией благ» (Леви-Строс), присутствует в той или иной степени момент **их распределения**. Следовательно, с этой стороны данная категория является достаточно емкой и широкой, чтобы обобщить существенные сходства внешне не похожих явлений. В самом деле, разве не говорят об отношениях собственности на средства производства как об отношениях «по распределению средств производства»?⁴⁰⁹ В принципе, распределяется все: факторы производства и места в производственной иерархии; товары через рынок; средства через бюджет; налоги, штрафы, внешние контакты и т. д. С этим кругом распределения тесно связаны и иные круги: распределение власти, должностей, престижа, прав, известности, славы, информации и т. п. – всего того, что так или иначе связано (или может быть связано) с получением определенных материальных и иных преимуществ (выгод)⁴¹⁰. Очевидно, что это

---

⁴⁰⁸ Иногда я встречал такие возражения против указанного термина «распределительные отношения», что хотя перечисленные явления и достаточно распространены в истории, но они есть как бы отступление от «нормы», «правильных отношений», каковыми выступают отношения собственности. Тут можно лишь повторить сказанное в п. 1. В таком возражении смешаны два подхода. «Норма» в плане перспектив исторического процесса часто как раз есть исключение, а «отступления от нормы» гораздо более распространены, и это порой объясняет трудность или невозможность перехода к качественно более высокой ступени развития. В социологии же истории задача – найти способы анализа всех (желательно без исключений) вне зависимости от их близости к «генеральной линии».

⁴⁰⁹ Семенов Ю. И. Всемирная история как единый процесс... С. 169.

⁴¹⁰ «Этот основанный на **распределении** жизненно важных занятий и благ порядок, охраняемый правом и упорядоченный собственностью и семейным началом, и есть то, что называется человеческим обществом», – писал немецкий историк Лоренц фон Штейн (Цит. по: История политических и правовых учений. М., 1981. С. 320). (Выделено мной. – *Л. Г.*)

очень сложный круговорот и специфики здесь сколько угодно. Так, этнологи нередко представляют отношения в примитивных обществах как особую систему распределения и обмена продуктами, праздниками, дарами, редкостями, женщинами и др.

На основе изложенного можно сформулировать и идею о некоторых свойствах благ, которые правомерно считать глубинными и универсальными, и даже о целой системе таких качеств. Но, разумеется, речь идет не о физических свойствах или признаках, присущих вещам самим по себе, а о социальных, т. е. таких, которые возникают у благ только как у объектов отношений между людьми, только как у субстрата этих отношений.

Первым отметим полезность, включая и то, что в политэкономии описывается понятиями потребительная стоимость (предельная полезность). Но только часть таких благ обладает еще и **дефицитностью**, т. е. их всегда меньше полной потребности. В системе распределения участвуют именно дефицитные блага. Однако судьба их бывает очень различна. То, какими способами блага отделяются от владельца (производителя), какой путь проделывают, между кем и в каких пропорциях делятся, составляет смысл двух тесно связанных категорий: **отчуждаемости** и **распределяемости** благ.

В некоторых случаях их можно рассматривать и как единое свойство. Способность благ отрываться, отделяться от того, кто ими обладает (производит, контролирует), с учетом степени насилия при этом, т. е. **отчуждаемость**, во многом подчеркивает общий уровень распределительных отношений. Это понятие поэтому станет исходным для введения очень важной категории теории исторического процесса – **тип отчуждения благ и личности**. Способность же благ определенное или неопределенное число раз переходить из рук в руки, делиться на какое-то количество частей между претендентами на них, свойство их в связи с таким разделом приобретать разную социальную форму – **распределяемость** – показывает нам общую основу для объединения всех этих часто непохожих мо-

ментов и актов в единую систему в обществе – **распределительные отношения**. Это качество связано с самим жизненным оборотом общества, которое, чтобы функционировать, должно иметь ту или иную систему перераспределения благ. Но оно также связано и с неизбежным неравенством людей.

Распределительный оборот предполагает и фазы, этапы, моменты этого цикла, также опирающиеся на некоторые свойства благ. Кроме отчуждаемости, важно отметить **принадлежность** и **эквивалентность**. Первое, как ясно, связано с полным или частичным, прямым или косвенным, постоянным или временным обладанием благами и соответственно с понятием собственности, контроля и т. п. Второе – показывает свойство благ замещаться, обмениваться и приравниваться друг к другу и входит в содержание категорий обмена, рынка, стоимости пр. Можно сказать также о способности благ **аккумулироваться** в виде общепризнанных ценностей, что сильно влияет на весь характер распределительных отношений. Чем легче собирать, хранить, делить и передавать блага, тем выше развиты в обществе обмен, отношения собственности и имущественное неравенство.

Мне кажется очень важным, что удалось докопаться до таких абстрактных свойств, которые дают естественную основу и для выделения целой подсистемы, и для приведения разнообразия этих отношений (включая и собственность) к единому знаменателю. Теперь очевиднее, что все они, действительно, имеют родовые черты. Доказать общность этих отношений и составляет сейчас нашу задачу. Но чтобы не впасть в объективизм, не следует, конечно, забывать ни об их различиях, ни о том, что любое абстрактное свойство в реальности представлено в разной пропорции и комбинации и никогда не существует в чистом виде. Поэтому стоит заметить, что переход одних распределительных отношений в другие на практике не всегда осуществим или нередко происходит болезненно. Разумеется также, что далеко не все в данной конкретной действительности будет отчуждаться и распределяться. С этой стороны история могла бы предстать как процесс включения (ис-

ключения) объектов в «циркуляцию благ». Общества сильно отличаются тем, что вовлечено в оборот, может быть объектом обмена, собственности, что способно распределяться иными способами: через государство, церковь и т. п. Чрезмерные ограничения отчуждаемости и распределяемости, естественно, сковывают общество, нарушают его мобильность. Но и ситуация, когда все продается и покупается, обменивается и разменивается, – ведет к его разложению. Неудивительно, что власти постоянно ищут баланс между крайностями, то легализуя (ослабляя контроль) какую-то деятельность, то запрещая ее.

В распределительном круговороте сливаются четыре потока благ: природные; созданные в производстве (произведенные); живой труд (услуги); социальные. Последние можно разделить на две группы: различные эквиваленты (деньги прежде всего), титулы и права на получение благ (общественные «иероглифы», по выражению Маркса) и т. п.; и связанные с социальным положением, властью, престижем и пр.

Все виды благ могут быть реальными или мнимыми, но особенно это важно для ряда социальных благ (денег, акций, ценных бумаг, прав, каких-то обещаний и т. п.). Блага могут иметь разную форму: натурально-вещественную, символическую (титулы, деньги, права), живого труда (услуги), социального признания (подчинение, уважение, авторитет, слава и т. п.).

Следует сделать несколько пояснений относительно живого труда (услуг). То, что это – одно из важнейших благ, очевидно. Но как он отчуждается? Ведь труд не существует отдельно от человека, как вещь. Думаю, что можно представить его как комплекс больших или меньших потерь для человека (времени, физической, умственной или нервной энергии, здоровья, сил и т. п.), а также физических или моральных неудобств. Все это требует определенного насилия (внутреннего или внешнего к человеку, прямого или косвенного). Поэтому условно можно считать, что такого рода процесс предполагает полное или частичное **отчуждение личности**. Составляющие личность блага и свойства как бы распределяются между фи-

зическим и фактическим (юридическим, временным) владельцами: рабочим и предпринимателем, хозяином и слугой и т. д. Такой процесс приспособляемости (социализации) людей хорошо показывает тесную связь между распределительными и иными отношениями. Процесс отчуждения личности, конечно, связан не только с трудом, не только даже с такими явлениями, как институт слуг, приобретение наложниц и жен, но и вообще с определенной очень важной стороной жизни людей.

Между производством и потреблением благ никогда не бывает совпадения. Во-первых, в производстве участвуют не все, а в потреблении все, от грудных младенцев до стариков. Ведь если люди могут не работать, не заниматься политикой или искусством, быть равнодушными к религиозным или национальным различиям, то не есть и не получать минимум благ они не могут. Во-вторых, очень часто производители оказываются в худшем положении, а паразитические и привилегированные слои – в гораздо лучшем. Поэтому хотя, с одной стороны, потребности заставляют людей трудиться, но с другой – помимо труда, существуют иные возможности и способы их удовлетворения, в большинстве исторических обществ – более выгодные, удобные, быстрые, приятные и престижные, чем труд. В этом отношении люди оказались весьма изобретательными. Помимо грубой силы, существует и психологическое насилие, обман, пропаганда, закон, традиция, занятие наиболее выгодных должностей и мест, присвоение и обладание собственностью, привилегии и неравноправие, запреты и поборы и т. п.

Итак, **распределительные отношения есть отношения, связанные с процессом движения и распределения благ в самом разном виде во всей общественной системе самыми разными способами.** Поскольку распределительная сторона присутствует почти везде, процесс этот может быть представлен более или менее широко. Принцип отграничения данной подсистемы примерно такой же, как и производительных сил: учитывая значимость данной функции в данной ситуации, подсистеме, аспекте и т. д. И подобно тому, как мы говорили о

роли категории «труд» в обозначении границ производства, здесь для этого можно использовать понятие «блага» (речь идет не только о материальных, но и духовных и иных благах). В зависимости от задачи объем содержания этого термина может быть больше или меньше. В любом случае необходимо говорить о типичных потребительских (произведенных) продуктах, общепринятых эквивалентах (деньгах в первую очередь), о живом труде (услугах), каких-то материальных объектах (земля, скот и пр.). Часто трудно обойтись без учета прямых прав на получение благ (собственность, очередность, карточки и пр.), поскольку и сами эти права становятся моментами распределения. Наконец, можно включать и не столь определенные (часто косвенные), но весьма большие возможности, порождаемые получением (наличием) тех или иных социальных благ (знатность, известность, прописка, личные связи и т. п.). Однако поскольку эти последние многофункциональны, нас они интересуют в первую очередь в аспекте получения той или иной доли общественного пирога.

При анализе комплекса распределительных отношений выявляются как бы две проекции: реальное и идеальное (предположительное) распределение. Первое опирается на второе, но никогда не совпадает с ним. Иногда это просто колебание вокруг средней линии, иногда расхождение очень велико. Несовпадение прав и возможностей с действительностью не только факт, но и во многих случаях важнейший источник противоречий, конфликтов, борьбы. Это несовпадение образует своего рода разницу в виде незаконной деятельности, обмана, обесценивания собственности, ножниц между общественным статусом и доходом и пр. Причем можно смело сказать, что чем сильнее такое несоответствие, тем больше проблем в обществе, которое либо в упадке, либо плохо устроено, либо конфликтно, переходно и т. д. Одновременно мы видим уровень самосознания и самопознания общества, соблюдения его законов и принципов. Это также дает ключ к пониманию направления политики общества, связанной с попытками преодолеть или уменьшить такое расхождение или институциализировать его.

зировать его и пр. (например, постоянная борьба с дефицитом при социализме, инкорпорирование новых профессий и слоев в кастовую систему и т. д.). Яснее видна также результирующая линия, связанная с колебаниями, удачами и неудачами в этом плане.

Итак, введение категории «распределительные отношения» кажется достаточно удачным. Ее достоинства:

1. Дает возможность охватить очень широкую систему отношений, опираясь на их родовые черты, позволяет их уравнивать и сравнивать.

2. Более предпочтительна для социологии истории, так как не модернизирует архаические отношения, в то же время позволяет моделировать их типы для групп обществ и отдельных стадий развития. Также удобна для анализа экономики современных государств, проводящих колоссальное перераспределение через бюджет, всякого рода фонды и пр.

3. Позволяет выделять главные и второстепенные направления и моменты в системе распределительных отношений любого конкретного общества, причем разными способами.

4. Лучше объясняет социальную структуру общества, а также причины изменений в экономических укладах, не связывая их с формационным движением.

5. Нагляднее показывает связь различных подсистем общества.

6. В это понятие хорошо вписываются в качестве вариантов его более низких таксономических единиц такие термины, употребительные в антропологии и этнологии, как «реципрокный обмен», «редистрибуция», «контроль за распределением ресурсов» и пр.

7. Разнообразные концепции доминирования собственности, обмена, госраспределения или других институтов при соответствующей интерпретации могут найти в этой теории свою область приложения.

Следует сделать ряд пояснений. Как уже сказано, распределительные отношения глубоко проникают и интегрируются в другие подсистемы: ведь блага, подобно крови, должны дойти

до всех клеток социального организма. Но экономическая часть распределительных отношений может составлять центр (ядро) последних и оказывать мощное воздействие на все остальные части подсистемы, а может занимать периферийное положение. От чего это зависит? Конечно, от роли собственности и других институтов, характера общества в целом. Но с другой стороны, понять этот характер помогает иерархия ценностей и интересов социума. То же, что составляет предмет наибольших желаний, можно назвать своего рода **знаменателем благ**, поскольку к нему, как к наиболее значимому, приравниваются общественные статусы других категорий благ. В результате создается определенная социально-психологическая направленность поведения людей. Иногда бывает один главный «знаменатель», например принадлежность к сословию, место в государственном аппарате, земельная собственность, деньги и др. Помимо главного, есть еще и достаточно важные дополнительные. Иногда сосуществуют несколько более или менее равнозначных «знаменателей» (особенно в больших и переходных обществах) и образуется как бы несколько частично изолированных систем (комплексов).

Многие западные историки экономики используют такой общественный закон: плохие деньги вытесняют хорошие. Другими словами, если одновременно в хождении разные валюты или металлические деньги (например, золотые или серебряные), среди них могут выделиться более и менее предпочтительные. Все желают получать первые, а расплачиваться вторыми. Таким образом, более предпочтительные деньги становятся «хорошими» и исчезают из оборота. Аналогично можно было бы сказать, что наиболее сильные, влиятельные, энергичные, удачливые, преступные и прочие члены общества стремятся к получению наиболее предпочтительного вида благ. И последние становятся все более дефицитными и все более желанными. Причем престижность «знаменателя» далеко не всегда совпадает с реальностями экономического развития (особенно в переходных обществах), так как очень многое

зависит от силы привычки, традиций, социальной роли тех или иных слоев.

Можно говорить и об особом **социальном «векторе»** как результирующей такой социально-психологической направленности и мотивации поведения, а также формирования и воздействия соответствующих институтов. Естественно, «вектор» влияет на распределительные отношения. Так, престижность землевладения заставляла буржуазию вкладывать свои капиталы в поместья, престижность госслужбы – отрывала дворян от своих имений и т. п. Иногда есть смысл выделять несколько «векторов». Но будет ли определять социальный «вектор» богатство, власть, военная удача, или земельная собственность вкупе с судебной властью, или место в госиерархии, или принадлежность к ведущим корпорациям, в каждом случае распределительные отношения приобретают особый характер.

Иногда распределительные отношения более соотносятся с экономическими, если главная арена распределения – производственное, связанное с частной собственностью и денежным обращением. В этом случае сама экономическая сфера гораздо более отделена от других, более автономна и менее подвержена влиянию политики, идеологии, военщины и т. п. Достаточно ярко это проявлялось в пору классического капитализма. В этих случаях отношения собственности могут являться ядром всех остальных общественных отношений, определять и социальное деление общества. Тогда кажется, что «все социальное неравенство в конце концов – это неравенство в доходах»⁴¹¹, хотя это и не совсем так.

Однако подобная разделенность сфер исторически менее распространена. Даже и сегодня. **Распределительные отношения чаще выступали не в чистом «экономическом» виде, а в неразрывной связи с другими, будучи переплетены с ними, как бы растворены в них, составляя их экономиче-**

---

⁴¹¹ Рассел Б. История западной философии. Новосибирск, 1994. Т. 1. С. 192.

скую «подкладку», «изнанку»⁴¹². И в этом случае они очень существенно отличаются от более чистых экономических отношений. Так, при социализме во многих случаях разграничить экономику, политику и идеологию было просто невозможно. В обществах, где экономические моменты выделить труднее, хуже развиваются и производительные силы, подавленные администрированием, религией или сословными привилегиями. Любая форма политического, идеологического, национального и тому подобных господства и неравенства предполагает те или иные материальные преимущества определенным группам. Они могут быть меньшими или большими; откровенными, грубыми или прикрытыми, замаскированными; держаться на силе, обмане или духовном рабстве и т. п. Но они обязательно есть.

Однако сказать упрощенно, что главное – это именно распределительная сторона, а все остальное – прикрытие их, было бы неверным. Но невозможно и игнорировать распределительную «изнанку». Исследователь должен обязательно докопаться до нее. **Когда он найдет ведущие механизмы распределения, можно быть уверенным, что в этом пункте сосредоточены политические, юридические, идеологические, социальные и иные центры общества.**

С учетом сказанного стоит иногда говорить об обществах с экономическим, политическим или административным, военным или колониально-грабительским, сословным (т. е. через принадлежность к определенному сословию, национальности или расе, группе, месту жительства и т. п.), идеологическим или религиозным и другими векторами. Иногда допустимо вести речь и о соответствующих типах распределительных отношений. Естественно, что обычно такие типы бывают не чистыми, а смешанными. Это будет один возможный способ анализа распределительных отношений.

---

⁴¹² «Ведь экономические институты существуют не в вакууме, а в контексте или, если хотите, в ткани социальных и политических структур...» (Бергер П. Капиталистическая революция. М., 1994. С. 31).

Другой, не всегда удобный, можно назвать «по кругам распределения». Следует изучать движение, потоки благ, сначала связанных с их непосредственным производством и обменом, затем с социальным положением групп, потом с общественным и государственным устройством, далее – с политикой и деятельностью, направленной на сохранение или изменение положения (иногда отдельно и внешнеполитическую деятельность), наконец, блага, связанные с нарушением установленного порядка (очередность может меняться). Еще один способ – сравнения реальной и идеальной проекции распределения – уже упоминался.

Наконец, можно говорить и о методе (вероятно, наиболее универсальном) по видам и типам распределительных отношений, выделяя среди них главные и второстепенные. Здесь нужны следующие пояснения.

Для общества вообще, общества-модели все этапы и способы распределительных отношений (подробнее о которых еще будет речь) теоретически равноправны. Для всей истории мы не можем указать на такие, которые всегда и везде являются ведущими во всей системе распределения. Ни собственность, ни налоги, ни государственное распределение, ни военный грабеж таковыми не являются. Мы вправе утверждать, что в каждом конкретном обществе, действительно, чаще всего можно и нужно выделять наиболее важные, ключевые моменты распределения. Однако они могут быть на любом участке этого распределительного кругооборота: от производства до конечного потребления (в своем или чужом обществе). Они нередко специфичны для данного общества или группы сходных обществ. Большая или меньшая значимость того или иного способа распределения зависит от особенностей данной системы, эпохи, уровня производительных сил и многого другого. Но в то же время все моменты, этапы и виды распределительных отношений представляют собой целостную систему, которую полностью свести нельзя даже к наиболее важным способам, теснейше связанную, с одной стороны, с производством, а с другой – с социально-политическим строем.

Иначе говоря, в зависимости от конкретной реальности и нашего угла зрения, иногда удобнее делать акцент именно на системности, иногда – на выделении главных отношений, способов, механизмов, изменение которых порой способно преобразовать всю социальную систему⁴¹³. Такой подход позволяет лучше увидеть связь распределительных отношений с теми или иными институтами, общественной иерархией, эксплуатацией, политикой и идеологией, выяснить баланс социальных сил. Ведь распределительные отношения существуют не сами по себе, а возникают между участниками (государством, людьми, социальными, экономическими и иными единицами). Поскольку в обществе всегда есть тот или иной дефицит благ, постольку на них с разными шансами на успех всегда претендует несколько потенциальных потребителей: например, покупатель и продавец, государство и налогоплательщик и т. д. Отсюда, естественно, постоянное соперничество или борьба в обществе за блага (как между отдельными людьми, так и группами). Подобное соперничество вызывает постоянные требования об изменении существующих способов распределения и имеет разные формы разрешения: от прямой силы до международного суда. Попытки «перетянуть одеяло на себя» могут вести к изменению как отдельных моментов распределительных отношений, так иногда и к полному преобразованию всей их системы. Ведь благодаря общим свойствам благ виды распределительных отношений оказываются взаимозаменяемыми, способными переходить

---

⁴¹³ Например, в III в. н. э. в Римской империи при Диоклетиане за поступление налогов стали отвечать землевладельцы, а в городах – куриалы (или декурионы), т. е. члены городских сенатов или куриий. В результате землевладельцы и куриалы (впоследствии окрестные средние землевладельцы в обязательном порядке входили в число куриалов) стали кровно заинтересованы в том, чтобы плательщики налогов не могли свободно покидать их районы. Поэтому в империи постепенно установилось всеобщее закрепощение (к профессии, месту жительства и т. д.). А сами гаранты налогов уже не могли отказаться от этой «почетной» обязанности, были навечно прикреплены к своим местам с запрещением выезда из города. Они отвечали за недоимки собственным имуществом, и многие разорялись. «Куриалы стали, по выражению современника, «рабами своих предков» – родившийся куриалом куриалом и умирал» (История средних веков. М., 1980. С. 58). От этой повинности избавляли только смерть или разорение. Подобная система одно время была и в Византии.

друг в друга, преобразовывать свои формы, меняться местами по важности и т. д.

Наконец, следует напомнить, что распределительные отношения сильно связаны (а иногда очень и очень сильно) с производительными силами как через производственную организацию, так и через иные каналы. С одной стороны, производительные силы как бы получают «заказ» от системы распределения, с другой – сбой в производстве или резкий рост его возможностей способны сломать баланс распределительных отношений. Ясно также, что такие институты, как рынок, торговля, собственность на средства производства и ресурсы (или контроль за ними), налоги, влияют на обе подсистемы.

Для устойчивых и иерархических обществ, где труд – удел низших слоев, связь распределения и производства менее тесная, и базисность, как мы говорили, представляется по-иному. Для примитивных или индустриальных – связь гораздо теснее. Само собой, что распределение имеет и особые каналы связи (помимо производства) с географической средой, которая дает материал для распределения (например землю), способствует или нет торговле, контактам, предполагает степень изобилия и излишка, более или менее удобный эквивалент благ и т. п.

Подводя итоги, можно сказать, что исследователь каждый раз должен ответить на вопросы: кому, на основании чего, каким образом и в какой пропорции достаются какие блага и как связаны различные социальные, политические и иные привилегии и материальные выгоды. Будут ли они прямо вытекать, находиться в потенции, требовать для своей реализации незаконных действий и злоупотреблений и т. п. Надо найти в этом пестром потоке и круговороте устойчивые течения, выявить главные и второстепенные вещи, показать, как от смены тех или иных механизмов меняется вся система распределения и другие сферы. О наиболее важных видах и типах распределительных отношений пойдет речь дальше.

II. 4. Виды и типы распределительных отношений

Теперь мы поговорим о разнообразии распределительных отношений. Можно насчитать десятки способов распределения и еще большее количество их комбинаций. Некоторые из них редки или уникальны, другие исключительно распространены (или были таковыми раньше). Для многих видов имело бы большое значение проанализировать факторы, способствующие или препятствующие росту их значения подобно тому, как мы это делали в отношении собственности. Такие социологические законы показали бы, когда такой механизм может стать ведущим (важным) или вообще реальным, когда будет существовать ближе к чистому виду, а когда в комплексе, и какие комбинации наиболее вероятны. Несомненно, что это очень важная и интересная задача, но разрешимая лишь в специальном исследовании.

Даже краткая характеристика способов и механизмов распределения потребовала бы слишком большого места, а попытка системного изложения увела бы нас в сторону. Пришлось поставить более скромную задачу – сделать ряд замечаний и привести конкретные примеры для подтверждения и иллюстрации сказанного ранее. Несколько более подробно рассмотрена лишь меновая стоимость.

Однако, чтобы читатель все же мог представить многообразие видов распределительных отношений, ниже дана их краткая систематизация, в которой все виды разделены на десять типов. За основу такой операции взято сходство в методах и источниках получения благ (доходов). Классификационные основания, разумеется, могут быть иные. Важно лишь не забывать о тесной взаимосвязи и взаимодействии реальных способов распределения, образующих общий комплекс (и более интегрированные малые комплексы внутри него). Следует помнить и о возможности перехода, перерастания, превращения одних видов и типов в другие. Поэтому любая типология будет условной. Данный же перечень претендует не столько на системность, сколько служит иллюстрацией.

ТИПЫ И ВИДЫ РАСПРЕДЕЛИТЕЛЬНЫХ ОТНОШЕНИЙ

Пояснения. Во-первых, перечень этот далеко не полный и к каждому типу можно добавить какие-то виды, а возможно, даже ввести новые типы.

Во-вторых, ряд способов распределения относится сразу к двум или нескольким типам.

В-третьих, многие виды часто связаны между собой, а то и вовсе действуют лишь в сочетании с другими. Я пометил для ряда случаев такую сочетаемость, поместив после соответствующих видов и типов в квадратных скобках [ ] номера им сопутствующих.

В-четвертых, хотелось показать более и менее важные и распространенные виды. Но поскольку они могут быть ведущими в одних и второстепенными в других формациях, я пометил их цифрой вверху³, которая обозначает номер той формации, где данный вид (тип) наиболее значим (хотя они могут иметь место и в другие эпохи). Там же, где его важность равна для двух формаций, цифры разделены запятой^{2, 4}. Если цифра вверху стоит перед порядковым номером вида (типа), значит, она относится ко всему здесь написанному, а если после определенного слова, – то лишь к этой разновидности способа распределения.

К месту сказать, что даже бегло проанализировав, когда, какие механизмы распределения были ведущими, мы убедимся, что для второй формации наибольшее значение имели насильственные (каковыми часто были и налоги) или **внеэкономические**. Для третьей – как экономические, так и внеэкономические, поэтому их можно обобщить как **полуэкономические**. Наконец, для четвертой – больше **экономические**. Сказанное будет важно при анализе исторического процесса.

1.² С помощью насилия:

- 1) военный, колониальный³ и другой грабеж;
- 2) дань и родственные ей явления;

3) психологическое насилие (запугивание, в том числе с помощью религии, табу; использование особой пропаганды^{3,4} и пр.);

4) принуждение к труду, включая порабощение, закрепощение, уголовные наказания и пр. [2.1; 6.1];

5) принуждение к определенным повинностям (оброк [2.1], десятина, отработки [3а.3] и пр.);

6) экспроприации, конфискации, репрессии с целью обогащения и пр. [3а.6].

2. Путем установления особых правил производства и потребления:

1)³ собственность на средства производства в многообразии ее вариантов (найм на работу, аренда, условное владение [3а.3]; использование мелкой трудовой собственности, интеллектуальной собственности⁴ и пр.);

2) запреты на ввоз, вывоз, перемещение тех или иных продуктов³ [5], запрет на те или иные трудовые действия и операции (баналитеты² и пр.) [8.1];

3) регламентация (например, максимум зарплаты, стандарты и требования к качеству⁴, ограничение эксплуатации⁴ и др.);

4)¹ установление правил потребления;

5)^{3,4} доходы от производительной предпринимательской деятельности [2.1; 2.3; 2.6; 4.1];

6) доходы от трудовой деятельности: самостоятельной^{2,3}, по найму^{3,4} (в том числе благодаря особой квалификации, образованию⁴) [2.1; 2.3; 2.5].

3.^{2,4} Государственные доходы и расходы:

а) *Доходы:*

1) налоги [2.1; 2.2; 6.6 и др.];

2) доходы от госсобственности [3а.5; 1.6; 2.1. и др.];

3) работа и повинности в пользу государства [1.4; 1.5];

4) займы [6.3; 6.2];

5) госмонополии (на изготовление денег, соляная, водочная и пр.);

6) неординарные [1.6; 7.1; 1.1. и др.].

б) *Расходы:*

- 1) военные [1.1];
- 2) двор монарха²;
- 3) госаппарат [8.3];
- 4) поддержка различных социальных групп (привилегированных² [2.1; 6.2; 8]; бедных⁴ и пр.);
- 5) социальные⁴;
- 6)⁴ образование, культура, наука;
- 7) прочие (инвестиции, погашение займов и др.).

4. Основанные на особости производства и географической среды:

- 1)^{3,4} за счет технического превосходства [2.5];
- 2) за счет особого места в системе международного разделения труда [5.5];
- 3)² благодаря плодородию почвы;
- 4)^{3,4} за счет богатства природных ископаемых [5.5].

5. В процессе обмена и образования стоимости [2.1; 3а.1; 4.2; 8.1]:

- 1)² торговля как обмен продуктов собственного труда [2.6];
- 2)^{2,3} торговля как особая деятельность и получение торговой прибыли;
- 3)² монопольная торговая прибыль;
- 4)³ колебания меновой стоимости (цены);
- 5)² внешняя торговля благодаря особой географической и иной ситуации.

6. Финансовое распределение:

- 1)² ростовщичество;
- 2) собственность на средства обращения [2.1; 6.6 и др.];
- 3) кредитная деятельность (включая займы государству (монарху)^{2,3};
- 4) использование особых преимуществ и обстоятельств [8] (например, приобретение собственности за бесценок³);
- 5) кассации долгов и уклонение (отказ) от долгов (в том числе государственных) [3а.4];
- 6) откуп налогов [3а.1].

7. **С помощью обмана, мошенничества и прочего** [9.1; 9.3; 6.5; 6.4]:

1) порча денег² и другие манипуляции с деньгами со стороны правительства, включая выпуск необеспеченных денег⁴ (т. е. инфляция, но без гласности или процедур уменьшения ущерба от нее) [3а.5; 3а.6];

2) невыполнение (отказ от выполнения) обязательств и гарантий либо одностороннее изменение ранее установленных правил с целью получить доход (избавиться от расхода);

3)³ различные финансовые и прочие мошенничества и получение «дутых» доходов (с акциями, ценными бумагами, за счет спекуляций, раздачи невыполнимых обещаний и пр.);

4)⁴ подделка и фальсификация товаров.

8. **С помощью особых положений и законов, через неравноправность (сословную, юридическую и др.):**

1) монополии (торговые, личные, сословные и пр.) [2.1; 6.2];

2)² льготы, привилегии, повинности;

3)^{2,3} злоупотребление служебным, общественным и иным положением [3; 9.1];

4) принятие особых законов, правил, а также манипулирование законами [7.2].

9. **Незаконное (несанкционированное) распределение:**

1) различные корыстные преступления [8.3; 2.1 и др.];

2) незаконные промыслы (контрабанда и др.), нарушение запретов, регламентации, преступная коммерческая деятельность (наркобизнес и пр.);

3) создание незаконных (преступных) синдикатов, структур, организаций (мафиозных, клановых, цеховых и пр.);

4) пиратство.

10. **Другие.**

Наиболее важными чаще остальных в рамках социологии истории можно считать: прямое насилие; отношения собственности; доходы от производительной и трудовой деятельности; регламентация производства и потребления; через государство. Но могут быть и иные, например получение моно-

полной торговой прибыли в купеческой республике. Ведь подобно тому, как в живой природе есть большие и малые организмы, хищники и паразиты, так и среди социальных организмов могут быть самые разные и по параметрам, и по формам «питания».

Ранее мы говорили, что характер распределительных отношений очень зависит от способов аккумуляции и свойств эквивалента благ. Ведь деньги не только помогают их обменивать, но и при достаточном развитии товарно-денежных отношений начинают подрывать сословные различия, модифицировать все социальные отношения. С этой точки зрения распределительные отношения могут делиться на **натуральные, полунатуральные, товарно-денежные и эрзацденежные** (т. е. имеющие заменители денег в виде различных ценных бумаг, кредитных карточек и т. п.). Существенно различаются также и общества с металлическими деньгами и с бумажными. В последних очень сильно может проявляться такой специфический механизм распределительных отношений, как **инфляция**, перекачивающий блага в руки государства или определенных групп. Не сегодняшнему читателю удивляться этому. Однако инфляция появляется уже с порчи золотых и серебряных денег, примеры чего можно найти в истории большинства народов⁴¹⁴.

С незапамятных пор грабеж соседей был важнейшим источником обогащения. Война же долгое время воспринималась почти как естественное состояние. А «у варварского народа-завоевателя война еще является регулярной формой сношения, которая используется все шире по мере того, как

---

⁴¹⁴ Приведу лишь один факт, который показывает роль такого перераспределения в отдельные периоды. Впрочем, для тех, кто пережил гиперинфляцию, обесценивание накоплений, это должно быть ясно и так.

Историк Маколей писал о 1696 годе в Англии: «Несомненно, что все те беды, которые обрушили на плечи английской нации в течение четверти века плохие короли, плохие министры, плохие парламенты и плохие судьи, не сравнимы с той бедой, которую в течение одного года принесли плохие золотые монеты и плохие шиллинги... Ничего нельзя было купить без перебранки. В каждой лавке шла ссора с утра до вечера. Между хозяевами и поденщиками споры были неизбежны, как неизбежно наступление субботнего вечера. Рабочий, получая кусочек металла, полагал, что получает шиллинг, но когда он хотел купить пинту соли или хлеба, то у него с трудом брали его за половину стоимости» (Цит. по: Варга Е. С. Избранные произведения. Начало общего кризиса капитализма. М., 1974. С.35).

прирост населения, при традиционном и единственно для него возможном способе производства, создает потребность в новых средствах производства»⁴¹⁵. Но даже и у греков военный грабеж играл важную роль (по словам Платона, все войны происходят ради стяжания богатства).

Война становится в некоторых случаях способом перераспределения прибавочного продукта в масштабах больших регионов⁴¹⁶, а для отдельных обществ – просто формой существования, основным источником получения благ⁴¹⁷. А раздел военной добычи становился важнейшим (и нередко довольно сложным) институтом, через который можно понять и социальную структуру общества. Например, в таком типично хищническом государстве, как Крымское ханство, «в пользу беев и мурз шла десятина... со всей добычи, захваченной во время грабительских набегов»⁴¹⁸.

Такие государства, как Ассирия, Вавилония, угоняли покоренное население десятками и сотнями тысяч, чтобы поселить его в других местах и сделать своими тяглецами, а римляне сотни тысяч пленников превращали в рабов. Для Древнего Рима трудно переоценить роль войн и грабежей побежденных. Не менее важна была эксплуатация колоний для Португалии, Испании, Англии. Последняя оплодотворила промышленный переворот индийскими богатствами.

Насилие вообще присуще в той или иной мере общественной жизни. Однако постепенно, когда жизнь упорядочивается, оно, во-первых, частично заменяется привычкой, пониманием

---

⁴¹⁵ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т. 3. С. 21.

⁴¹⁶ «В ходе непрерывных войн, взимания с побежденных колоссальной дани, а иногда и прямого ограбления покоренных стран, происходит как бы насильственное перераспределение прибавочного продукта в масштабах всего переднеазиатского региона. То одна, то другая страна претендует на политическое лидерство и право беспрепятственного грабежа соседей» (История Древнего Востока / Под ред. В. И. Кузищина. М., 1979. С. 444).

⁴¹⁷ Историк Соловьев приводит письмо Крымского хана Ивану IV, в котором тот пишет: «... но ведь ты нашу землю хорошо знаешь, наша земля войною живет» (Соловьев С. М. История России с древнейших времен: В 15 кн. М., 1960. Кн. III. С. 274).

⁴¹⁸ Якобсон А. Л. Крым в средние века. М., 1973. С. 138. Этот автор грабительский характер данного общества объясняет скудостью природы, в результате чего «на первом месте в жизни татар важнейшим фактором оказался внеэкономический способ добывания средств существования – война» (Там же). В некоторой мере это верно, засушливые земли Крыма были неплодородны. Но, возможно, вернее обратное: военный характер общества препятствовал интенсификации производства. Ведь умудрялись же татары содержать себя после присоединения к России.

необходимости соблюдения порядка; во-вторых, становится в существенной мере незаметным или «нормальным». Но при изменении общественных условий «нормальное» насилие может вдруг перерасти в тотальное, как это случалось даже в XX веке в целом ряде стран. Причем насилие из политического легко переходит в экономическое и наоборот, поскольку одни его виды способны порождать другие или иметь их спутниками. Так, в Римском государстве гражданские войны 44–31 гг. до н. э. «сопровождались проскрипциями, конфискациями земель, непомерными налогами, принудительным набором в армию (в Риме армия комплектовалась из добровольцев), бегством рабов, господством военщины и отсутствием личной безопасности»⁴¹⁹: Общеизвестно также, что во время политических или социальных переворотов уничтожение имущих и богатых, чтобы поживиться их добром, весьма распространенное явление. Например, в проскрипциях 43 года до н. э. в Риме погибло около 300 сенаторов и двух тысяч всадников. Все они были богатыми людьми, но некоторые богатыми колоссально. Имущество всех было, естественно, конфисковано⁴²⁰.

Принудительный труд играл заметную роль до сравнительно недавнего времени как в государственных, так и в частных хозяйствах. В некоторых же обществах, в том числе в колониях нового времени, он был важнейшим общественным институтом⁴²¹.

Хотя и существовали страны, в которых не было налогов, все же в большинстве случаев государства в той или иной форме их собирали. История демонстрирует нам исключительную выдумку властей в деле введения новых налогов, а также их форм и методов сбора. Как верно заметил Адам Смит, «никакому другому искусству не выучивается одно пра-

---

⁴¹⁹ Машкин Н. А. История Древнего Рима. М., 1956. С. 326.

⁴²⁰ Там же. С. 333.

⁴²¹ Например, одним из декретов второй половины XVIII в. всем бразильским индейцам-мужчинам в возрасте от 13 до 60 лет предписывалось регистрироваться у назначенного правительством начальника поселения, где они жили. Половина мужчин каждого поселка должна была часть года бесплатно трудиться на португальцев. Другой же половине разрешалось в это время оставаться дома и работать на себя (см.: Файнберг Л. А. Индейцы Бразилии. М., 1975. С. 23).

вительство у другого, как искусству выкачивать деньги из карманов своего народа»⁴²².

Налоги возникли, естественно, из потребности государства и правящих групп удовлетворять свои финансовые и экономические нужды. И носили они долгое время характер, мало зависящий от их воздействия на экономику. То есть правители слабо заботились о том, как влияет их налоговая политика на хозяйство. Однако постепенно эта связь становилась все яснее. Но лишь в сравнительно недавнюю эпоху налоги стали рассматривать не только как возможность пополнить казну, но как важнейший способ влияния на экономику, очень тонкий инструмент экономического регулирования, а также социальной справедливости. Сказанное верно также в отношении таможенных и торговых пошлин, которые прежде могли просто душить торговлю и все экономическое развитие⁴²³. Теперь же в большинстве стран под влиянием деятельности международных таможенных организаций экспортно-импортные пошлины все больше становятся инструментом тонкого воздействия на экономику.

В XX веке длительное время рост налогов опережал экономический рост, например, с 1937/38 по 1974/75 г. в США и Англии поступления от налогов возросли в 17 раз⁴²⁴.

Кроме налогов, известно еще множество способов пополнять казну или хотя бы затыкать финансовые дыры. Главные из них помечены в Перечне (выше). Несколько слов о необычных и неординарных доходах. Об экспроприациях, кон-

---

⁴²² Смит А. Исследование о природе и причинах богатства народов. М.-Л., 1935. Т. 2. С. 373–374.

⁴²³ Причем такие пошлины не всегда были связаны с фискальными целями. Иногда это определялось общей экономической политикой (яркий пример – меркантилизм), иногда – эгоистическими интересами отдельных влиятельных слоев. Таковы были пошлины на ввоз хлеба в Англию, введенные в интересах лендлордов, в ущерб капиталистам и особенно рабочим. «Парламент принял хлебный закон, который фактически запрещал ввоз хлеба из-за границы до тех пор, пока цены внутри страны не составили бы 80 шиллингов за квартал и выше (квартал равен приблизительно 290 литрам). Это была очень высокая цена: даже в годы войны (с Наполеоном при сильном сокращении ввоза. – Л. Г.), стоимость квартала пшеницы нередко падала до 40 шиллингов» (Ерофеев И. А. Очерки по истории Англии (1815–1917 гг.). М., 1959. С. 5).

⁴²⁴ Политическая экономия. Экономическая энциклопедия. Т. 3. С. 20.

фискациях, поступлениях от военного и колониального грабежа уже сказано. В некоторых случаях важную роль играли поступления от «союзников»⁴²⁵. Многие мелкие государства состояли на содержании у крупных (например, ряд германских княжеств, государи которых «зарабатывали» также на продаже своих подданных в солдаты в иностранные армии). Во второй половине XX века помощь слабо развитым странам превратилась едва ли не в «повинность» развитых, хотя она нередко неэффективна и действует развращающе.

Несомненно, что специфичность общества и государства нередко порождает и специфичность его доходов (бывает и наоборот). Так, сегодня многие крошечные и малые страны «злоупотребляют» своим суверенитетом, то предоставляя свой флаг судам (Либерия, Панама), то устраивая на своей территории «офшорные зоны» и т. п., что является, по сути, перекачкой средств из других стран, которые делятся между принимающей стороной и фирмой, не желающей платить налоги. Существуют также государства, живущие за счет того, что они являются религиозными центрами тех или иных конфессий. Самое знаменитое из них – Ватикан, до 1870 г. занимавший довольно значительную территорию. Сюда стекались огромные богатства со всех концов мира.

Вряд ли кто будет сомневаться в том, что от характера государственных расходов может существенно зависеть и характер распределения вообще, тем более, если через бюджет (казну) проходит основная часть прибавочного продукта. Расходят ли власти средства, чтобы поддерживать высшие сословия, уже неспособные к прогрессу, или на гонку вооружений, чтобы угодить военщине, или на дворцы монарха, или на развитие экономики и социальные программы и т. п. – все это очень влияет на весь комплекс распределительных отношений, а нередко является ведущим их моментом. Расходы могут

---

⁴²⁵ Например, Афинское государство в период расцвета «имело... разнообразные источники дохода, но все средства, которые собирались в Аттике, были значительно меньше тех сумм, какие поступали от афинских союзников. Экономическая мощь Афинского государства в V в., таким образом, была связана с политическим и военным порабощением других греческих городов» (Древняя Греция. М., 1956. С. 264).

быть еще разнообразнее, чем доходы. Извечная статья бюджета – содержание армии. В государствах неразвитых это бремя перекладывали прямо на население, вводя систему условных владений или кормлений для воинов. Множество примеров тому – в истории Европы, России, Турции, Индии и т. д. В Китае в некоторые эпохи (скажем, в XV в. при Минской династии) население нередко приписывали к своего рода военным округам, куда оно и должно было поставлять натуральный налог. Другие важные статьи: содержание госаппарата, двора или культовых сооружений – иногда становились непосильными. В странах, где граждане что-то значили, крупные суммы могли уходить на их подкормку или развлечения. По словам Цицерона, осуществление закона о хлебных раздачах отнимало у государства 20% дохода⁴²⁶. В XX веке расходы ряда государств увеличиваются быстрее роста производства⁴²⁷, часто и быстрее доходов, отчего растут государственные долги.

Нарушение законов и обычаев с целью получения имущественных выгод – явление, сопутствующее всей истории человечества. Однако многие исследователи отмечали прямую связь между разумностью и оправданностью различных запретов и ограничений (относительно общего уровня эпохи, конечно) и распространенности подобных способов распределения. Грубый эгоизм или твердолобость привилегированных и власть имущих групп резко увеличивает такую, говоря современным языком, криминализацию общества либо доводят репрессии до абсурда.

Вышеприведенные примеры и рассуждения должны были продемонстрировать, что адекватно оценить те или иные распределительные отношения вне общей направленности, вне ведущего вектора или трудно, или невозможно. Насколько неверным может быть теоретический анализ отдельных видов этих отношений, взятых вне социальной реальности, покажет рассмотрение такой важной экономической категории, как ме-

---

⁴²⁶ Машкин Н. А. Указ. соч. С. 291.

⁴²⁷ «На протяжении более столетия происходит рост национального дохода и производства. В то же время почти во всех странах наблюдается тенденция к еще более быстрому росту государственных расходов (Самуэльсон П. Указ. соч. С. 186).

новая стоимость (стоимость). С ее помощью исследуются механизмы определения реальной ценности благ относительно других благ в эквиваленте (обычно денежном). Поскольку же товарно-денежные отношения в той или иной степени присущи, начиная с определенного момента, почти всем обществам, а во многих становятся важнейшими, роль стоимости как распределительного отношения в социологии истории велика. Между тем политэкономы рассматривали процесс ее образования как бы вне социальной действительности.

Трудовая школа, вершину которой представлял Маркс, утверждала, что стоимость товаров бывает только трудовой (если бы!), и она в целом соответствует либо количеству труда, затраченного на него, либо нормальному для данного общества количеству труда для такого производства. Были и другие в чем-то верные подходы. Так, некоторые экономисты, исходя из предпринимательской практики, полагали, что стоимость образуется из фактических затрат и ожидаемой средней прибыли. Не лишены были некоторого обоснования и психологические теории (предельной полезности и др.), которые определяли стоимость как психологическую готовность покупателя и продавца купить и продать товар за определенную цену. В самом деле, голодный человек может отдать за хлеб во много раз больше, чем в других условиях, так же, как находящийся в безвыходном положении продаст вещь за бесценок. Но ясно, что в огромных товарных потоках действуют в основном иные законы формирования цен. Имела основания и идея факторов производства (Сэй и др.), согласно которой стоимость создается не только трудом, но и другими факторами производства: капиталом и землей. Хотя надо заметить, что с развитием науки, разделением труда, социальной сферы и прочих таких факторов становится много больше. Но самой распространенной оказалась теория спроса и предложения, которая определяла цену (стоимость) как результат соотношения спроса и предложения. На графиках это выглядит как пересечение их кривых. Естественно, что конечная цена часто не совпадает с предположениями производителей и покупателей.

Эта теория, будучи весьма практичной, однако, не объясняет природы процесса образования стоимости, а лишь регистрирует его⁴²⁸.

Применение к социологии истории любой из этих (и некоторых других) концепций крайне затруднено, ибо эти школы абстрагировались от множества моментов, влияющих на стоимость: религии, войн, налогов, сословной или групповой морали, юридических и фактических преимуществ одних групп (и людей) перед другими и т. д. Но уже в XIX, а особенно в XX вв., не столь системно и всеобъемлюще, как следовало бы, но такие влияния стали признаваться теми или иными экономистами, социологами или историками⁴²⁹. Высказывались и мнения, что адекватная концепция распределения должна предполагать и «социологическое исследование, исходящее из особого характера одной или нескольких социальных групп»⁴³⁰.

Главные теории стоимости возникли в обществе относительно свободной конкуренции, относительно умеренных налогов и господства частной собственности. Поэтому ученым казалось, что можно отвлечься от иных социальных факторов. Подобный взгляд был распространен и на ситуации, вовсе далекие от европейских условий XVIII–XIX вв. В доиндустриальных, социалистических, во многих капиталистических обществах существовали и особые льготы, и монополии, и вмешательство государства, и принуждение, и неэквивалентный

---

⁴²⁸ «Между тем при наличии одних и тех же условий спроса и предложения мы будем иметь одну систему установления равновесия в случае монополии, другую – при чистой конкуренции и опять-таки иную для группы конкурирующих между собой монополистов» (Чемберлен Э. Теория монополистической конкуренции. М., 1996. С. 57).

⁴²⁹ Я уже цитировал по этому поводу Ф. Броделя. Приведу еще два примера. «Петри видел, что ценность (стоимость. – Л. Г.) принимает ту или иную форму в зависимости от «социального целого» и его «регулирования», так как «отражает не индивидуальные потребности... а общую социальную структуру, создавшую рамки, в которые включены индивидуальные хозяйства» (Смит М. Н. Очерки истории буржуазной политической экономии. М., 1972. С. 135).

По мнению ряда экономистов, например П. Л. Рейно, «каждая среда защищает свои интересы, и финальная стоимость является результатом, возникающим из синтеза реальных потоков» (см.: Черников Г. П. Основные теории антикоммунизма. М., 1972. С. 27).

⁴³⁰ Слова Жана Маршала (Цит. по: Жамс Э. Указ. соч. С. 358–359).

обмен⁴³¹, и многое, многое другое, что делало производство и торговлю сложнее или проще, производительнее или нет, престижнее или нет, тем самым мощно влияя на ценообразование. Одна налоговая политика способна резко менять цены. А вспомним, как по команде правительства одни цены в СССР могли вопреки всякой логике стоять на месте десятилетия, в то же время другие (на спиртное, например) были подняты выше некуда.

Весьма важен и вопрос, тесно связанный с предыдущими, о том, образуется ли собственно стоимость в производстве или же в обращении. Маркс утверждал, что, поскольку стоимость имеет трудовую природу, она возникает именно в производстве, а в обращении ничего подобного быть не может. Однако это не вязалось с бесчисленными фактами неэквивалентного обмена, завышения или занижения цен и т. п. Другие школы – предельной полезности или спроса и предложения – стояли как раз за то, что стоимость возникает в обращении. Они более правы, хотя и неполно раскрывают суть дела.

Мне картина видится следующим образом. В производстве создаются блага, обладающие лишь **потенциальной стоимостью**. Но общество (в лице его части, группы, представителя и т. п.) еще должно признать ценность произведенной вещи. А это происходит далеко не всегда, иначе не было бы сбоя со сбытом или ажиотажного спроса. Поэтому, когда потенциальная стоимость в процессе обращения превращается в реальную, эти величины могут существенно не совпадать.

Таким образом, если рассматривать стоимость в рамках социологии истории, то ее нельзя понять вне комплекса распределительных отношений, и в каждом обществе этот механизм будет испытывать особые влияния и соответственно функционировать. **Стоимость следует в указанном плане трактовать как общественное отношение, как один из способов**

---

⁴³¹ В средние века «торговая прибыль возникала в результате неэквивалентного обмена, т.е. покупки товаров по ценам ниже их стоимости и продажи этих товаров по ценам выше их стоимости» (Политическая экономия: Учебник: В 2 т. М., 1979–1980). Мысль фактически верная, но довольно странная для экономической теории, утверждающей, что обмен должен быть эквивалентным общественно необходимым трудовым затратам, а стоимость не создается в обращении.

распределения, связанных с рядом других: торговых, найма, привилегий и пр.

Механизмы же образования самой стоимости разнообразны, хотя среди них возможно выделить наиболее распространенные или ведущие, например спрос-предложение при свободной рыночной конкуренции; общественно признанная норма прибыли; общественно необходимый труд; налоги; регулирование цен и продаж; монополистический рынок; всеобщая госмонополия⁴³² и др.

Исходя из сказанного, гораздо правильнее полагать, что в общем случае товары обмениваются **неэквивалентно** (а эквивалентный обмен лишь частный случай). Это так не только потому, что существует принуждение, регулирование, высокие налоги или паразитизм определенных групп. Это так уже потому, что найти некий измеритель стоимости, независимый от социального целого и влияния частных, невозможно, ведь неравенство есть атрибут любого общества. Последнее же в лице тех или иных его представителей оценивает труд, редкость, качество и т. п. под влиянием общего своего характера, принимающего тот или иной конкретно-особый вид в том или ином случае. А участники таких отношений действуют, исходя из собственных интересов, возможностей и влияния.

Если принять эту мысль, то и проблема неэквивалентного обмена труда и заработной платы между рабочим и капиталистом, бывшая камнем преткновения для трудовой (и не только для нее) школы, выглядит вполне ясной. Маркс, как известно, решал ее так, что обменивается не труд, а рабочая сила. И в этом случае обмен продолжает быть эквивалентным, только платит капиталист за один товар – рабочую силу, равный лишь необходимому труду, а фактически получает другой (как необходимый, так и прибавочный труд). Между тем если принять, что товары всегда обмениваются неэквивалентно, то

---

⁴³² В этом случае «установление цен становится чисто номинальным и фактически равносильно уже просто распределению всего продукта между, с одной стороны, картельными магнатами, а с другой – остальными членами общества» (Гильфердинг Р. Финансовый капитал. М., 1959. С. 312).

вполне логично говорить, что рабочий продает именно труд⁴³³ (т. е. затраченное время, энергию плюс неудобства) за заработную плату, но стоимость труда такова, что позволяет капиталисту получать при продаже его результатов прибыль (механизм здесь в принципе тот же, что и при торговой наценке).

Итак, разнообразные теории стоимости могут быть использованы в социологии истории, но как частные случаи более широкой концепции, в свою очередь являющейся лишь одним из моментов теории распределительных отношений.

---

⁴³³ С учетом того, что говорилось об особенностях отчуждения труда.